

ЛУИ КАНЛЕР

МЕМОУАРЫ БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ

ТОМ II

ПАРИЖ. XIX ВЕК

Луи Канлер

**Мемуары Канлера.
Бывшего начальника
сыскной полиции. Том I**

«Автор»

2026

Канлер Л.

Мемуары Канлера. Бывшего начальника сыскной полиции. Том I /
Л. Канлер — «Автор», 2026

Париж XIX века — город роскошных особняков, дешёвых притонов и тёмных тайн. Луи Канлер, бывший начальник сыскной полиции, открывает читателю закулисы французской столицы и рассказывает о делах, в расследовании которых участвовал сам. Убийства и дерзкие ограбления, похищение ребёнка, шантаж светских дам, подделка денег, хитроумные аферы и побег из тюрем — за каждым случаем стоят человеческие страсти, жадность, страх и отчаяние. Канлер показывает, как работали сыщики до появления современной криминалистики: с помощью наблюдения, осведомителей, рискованных уловок и знания преступного мира. Но его мемуары — не только собрание детективных историй: это откровенный рассказ о коррупции, служебных интригах и политических потрясениях эпохи, завершённый разбором покушения на Наполеона III. Оригинальное произведение является общественным достоянием.

© Канлер Л., 2026

© Автор, 2026

Луи Канлер
Мемуары Канлера. Бывшего
начальника сыскной полиции. Том I

МЕМУАРЫ
КАНЛЕРА
БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА

СЛУЖБЫ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ
ТОМ II
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ПАРИЖ

Ф. РУА, КНИГОПРОДАВЕЦ-ИЗДАТЕЛЬ
УЛИЦА СЕН-АНТУАН, 185
1882

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Убийство, совершённое агентом-provокатором 1**
- II. Вербовщики в Париже 5**
- III. 1820–1830. Художник и знатная дама 13**
- IV. 22 марта 1832 года!!! 21**
- V. Убийство вдовы Денио 27**
- VI. Бразилец-архимиллионер 32**
- VII. Побег из тюрьмы Ла-Форс 47**
- VIII. Убийство Катеня 52**
- IX. Провинциальная знаменитость 57**
- X. Ограбленный ночью часовщик 59**

	XI. Убийство Сешепина 65
	XII. Мошенник 75
	XIII. Первоапрельская рыбка 77
	XIV. Убийство вдовы Сенепар 82
90	XV. Моё назначение на должность офицера полиции и мои методы полицейской работы
	XVI. Антифизитики и шантажисты 105
	XVII. Сводницы 144
	XVIII. Сутенёры и макки 152
	XIX. Влияние публичных женщин и лореток на преступников 156
	XX. Первое представление «Монте-Кристо» 191
	XXI. Префектура полиции в 1848 году 194
	XXII. Тайный трибунал 211
	XXIII. Мои первые операции в должности начальника сыскной полиции 216
	XXIV. Снова семейство N*** 245
	XXV. Господин Карлье, префект полиции 250
	XXVI. Флёретта 265
	XXVII. Убийство Пуарье-Дефонтена 279
	XXVIII. Кражи под видом благотворительности 289
	XXIX. Мошенничество за игрой 294
	XXX. Вооружённое ночное ограбление в доме семидесятилетней женщины 299
	XXXI. Мономаны 307
	XXXII. Мания воровства 315
	XXXIII. Заключённый и хозяйка дома 319
	XXXIV. 1820–1830. Убийство возчика 322
	XXXV. Жена офицера 328
	XXXVI. Сомнамбулизм 339
	XXXVII. Убийство Монье 348
	XXXVIII. История трёх кроликов 352
	XXXIX. Похищение ребёнка 356
	XL. Отравление T*** и убийство его вдовы 363
	XLI. Шайка фальсификаторов 373
	XLII. Леон Ламбель и Леспинасс 394
	XLIII. Мадам X***, Эрнест и Леон 410
	XLIV. Убийцы Люисье, Вуази, Миллер и Лафоркад 418
	XLV. Привратник-пикардиец и уловка с мешком 427
	XLVI. Запрещённая дичь 433
	XLVII. Убийство Жюльетты Фламм 436
	XLVIII. Покушение 14 января 1858 года 448

В оглавлении сохранены номера глав, указанные в исходном издании. Оригинальное оглавление со страницами французского текста помещено в конце книги.

МЕМУАРЫ КАНЛЕРА

БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА СЛУЖБЫ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ

I

УБИЙСТВО, СОВЕРШЁННОЕ АГЕНТОМ-ПРОВОКАТОРОМ

Некий Б*** был приговорён к пяти годам тюремного заключения и полицейскому надзору. После освобождения он отправился в столицу, пребывание в которой ему было запрещено. Хотя полицейские агенты мало его знали, он всё же полагал, что рано или поздно его

арестуют за нарушение запрета на проживание, и, чтобы избежать этого неудобства, явился в сыскную полицию, предложив свои услуги и уверяя, что благодаря связям, которые он завёл в тюрьмах среди преступников, может оказаться полиции весьма полезен. Одновременно он попросил разрешить ему остаться в Париже на восемь дней, чтобы доказать своё умение; на это согласились. Тем временем о нём запросили сведения в центральной тюрьме, где он содержался; директор ответил, что его бывший заключённый — хвастун, лжец и опасный человек и что, если управление поручит ему какое бы то ни было дело, он его скомпрометирует.

Со времени его посещения сыскного отделения прошло пятнадцать дней, а о нём не было никаких известий. Его разыскали и доставили в префектуру, где выдали ему паспорт для поездки в Гавр и велели агенту проводить его до заставы Сен-Дени. Но, добравшись до окраины Ла-Шапель, он повернул назад и через заставу Ла-Виллет вернулся в Париж, где скрылся под вымышленным именем. Из дома он выходил лишь с наступлением полной темноты. Это своего рода заточение, которому он сам себя подверг, вскоре показалось ему невыносимым, и, чтобы положить конец столь тягостному положению, он решил обратиться в политическую полицию, рассчитывая, что та окажется менее щепетильной, нежели её сестра, сыскная полиция, и примет предложенные им услуги, если он сочинит для неё небольшой заговор против жизни короля.

Объяснив своё положение начальнику, к которому обратился, он сказал ему: «Мне известны все нити заговора против жизни государя; мне крайне важно остаться в Париже, и, если вы добьётесь для меня разрешения жить в столице, я берусь в течение восьми дней выдать вам участников этого адского замысла». Его предложение было встречено благосклонно, и ему предоставили, можно сказать, полную свободу действий. Б*** знал Париж и его предместья; ему было прекрасно известно, что негодаи, бездельники, бродяги и вообще все лентяи, которым нечего терять и которые надеются приобрести всё от политических потрясений, обыкновенно собираются в притонах у городских застав. Он подумал, что в этих заведениях сумеет найти людей, которыми сможет пожертвовать ради собственных интересов.

После нескольких дней безуспешных странствий по этим вертепам он однажды вечером вошёл в один из домов с девицами, служивших одновременно пивной и винной лавкой. Двое людей, по имени П*** и Д***, сидели за столом одни перед небольшим кувшином вина; опытному глазу Б*** они показались именно теми, кого он искал. Он подсел к ним, заказав литр вина по двенадцать су, и вскоре уже чокался с ними. Знакомство завязалось за обильными возлияниями, которые оплачивал ранее судимый. В одиннадцать часов они расстались добрыми приятелями, условившись встретиться на следующий день. Когда Б*** сумел вовлечь своих новых товарищей в разговор о политике, вскоре было произнесено слово «заговор». П*** и Д*** не замедлили угодить в расставленную им ловушку и без затруднений согласились на всё, чего хотел провокатор; тогда он известил полицию, что эти двое только и ждут удобного случая, чтобы привести в исполнение свой отвратительный замысел.

Агентам было поручено следовать за ними повсюду, куда бы они ни направлялись, и каждый день агенты сообщали в своих донесениях, что не заметили ничего предосудительного ни в поведении, ни в поступках лиц, за которыми наблюдали. Эти сведения привлекли внимание полицейской префектуры, и стали возникать сомнения в правдивости утверждений доносчика. Его ознакомили с этими донесениями, что ничуть его не смутило; однако, предвидя, что его хитрость вот-вот будет раскрыта, он решил закончить дело громким поступком, который одновременно возложил бы ответственность на полицию. Приняв это решение, он последовал на некотором расстоянии за агентами, которым было поручено наблюдение. Около часа пополудни П*** и Д*** вошли в кабачок и уселись в зале, где никого не было. Агенты расположились так, чтобы не терять их из виду. Через четверть часа Б***, ускользнув от наблюдения агентов, ворвался в зал с пистолетом в руке и выстрелил в Р***; пуля попала в него, и на следующий день он скончался. Тогда Д*** бросился бежать, но тотчас был поражён другой пулей, которая,

к счастью, причинила ему лишь лёгкую рану; агенты арестовали П*** и Д*** и доставили их в префектуру.

Это дело сохранили в тайне. Оставшегося в живых без всякого суда отправили в Сенегал, вслед за жертвой агента Т*** и мнимого офицера Дома инвалидов, о злословии которых мы уже рассказывали.

Что случилось с провокатором? Его приняли на службу в полицию.

II

ВЕРБОВЩИКИ В ПАРИЖЕ

При Людовике XV и Людовике XVI набор солдат в армию производился в столице при помощи сержантов-вербовщиков. Всем известны уловки, которыми они пользовались, чтобы завербовать приезжих из провинции. С приходом Империи вербовка на площадях исчезла, и с тех пор жребий решал, кому из сынов Франции предстояло посвятить свою жизнь защите общей матери.

Тогда тот, кто обладал некоторым состоянием, мог избежать невзгод, тягот и опасностей войны. Не один сын состоятельного семейства платил восемь, а то и десять тысяч франков за человека, который шёл служить вместо него. Однако войны продолжались и поглощали столько людей, что, когда жребия уже стало недостаточно, пришлось прибегнуть к иной системе. Были объявлены чрезвычайные наборы, и лишь за баснословные суммы некоторым молодым людям удавалось найти себе заместителей; да и те почти все несколько позднее были вынуждены отправиться на службу.

После падения Империи число солдат под знамёнами значительно сократилось. Многие молодые призывники получили возможность избежать неприятностей казарменной жизни, заплатив восемьсот или тысячу франков человеку, который должен был явиться в полк вместо них.

Вербовщики вновь появились в столице, но на этот раз действовали менее открыто и выступали под более скромным названием агентов по военному замещению. Они стали посредниками между семьями молодых призывников и их заместителями и поначалу заключали сделки довольно честно; но вскоре страсть к наживе, жажда прибыли взяла верх над добросовестностью, и перед всеми во всём своём бесстыдстве предстала эта позорная торговля, участники которой столь справедливо получили от презиравшего их общества название торговцев человеческим мясом.

После революции 1830 года всеобщая война показала неизбежной; военное замещение приобрело невероятный размах. Можно было видеть, как целый рой провинциальных вербовщиков налетел на столицу, словно стая ворон, жадно бросившихся на добычу. Повсюду, на каждом углу, на всех общественных площадях можно было увидеть лживые объявления, расклеенные этими торговцами нового рода. Сапожники, кучера, мошенники, бывшие заключённые — все захотели стать агентами по замещению. Штат подобных контор состоял из секретаря, ведавшего бумагами, и нескольких приказчиков, в обязанность которых входило вербовать негодяев, бездельников и лентяев, желавших продать себя. Но поскольку число таких людей вскоре оказалось недостаточным для нужд вербовщиков, некоторые из последних придумали изготавливать фальшивые бумаги, подделывать документы об увольнении со службы или свидетельства для бывших заключённых, которых таким образом избавляли от ограничений, наложенных на них вследствие понесённого ими позорящего наказания.

В то время в Париже жил бывший старший сержант королевской гвардии, обладавший особым искусством подделывать подписи и фальсифицировать подлинные документы. Работая на любого первого встречного торговца людьми, которому требовалось его мастерство, он за скромные десять франков совершал подлог, способный отправить его на галеры. И всё же благодаря совершенно необыкновенной удаче и невероятному везению он сумел обмануть бдительность полиции и ни разу не был арестован.

Главным вопросом для агентов по замещению был исход заседания призывной комиссии. В самом деле, вербовщик страхует от превратностей жребия двадцать молодых призывников, а с другой стороны, представляет десять заместителей. Предположим на минуту, что застрахованные им молодые люди вытянули невыгодные номера, что комиссия признала их годными, а заместителей отвергла; тогда вербовщик теряет авансы, выданные последним в счёт цены их услуг, но при этом остаётся обязанным поставить людей за небольшую сумму, внесённую каждым застрахованным призывником; следовательно, он несёт сплошные убытки. Чтобы избежать этого двойного неудобства, некоторые вербовщики старались так или иначе ослабить власть комиссии, пытаясь подкупить отдельных хирургов, которым поручалось освидетельствование новобранцев.

Один из таких торговцев человеческим мясом, некий господин Б***, женился на молодой, очень хорошенькой женщине, отличавшейся изысканными манерами, обладавшей умом, обаянием и образованностью в равной мере и весьма искусной в кокетстве. Её муж, человек не слишком щепетильный и чрезвычайно алчный, сумел воспользоваться всеми достоинствами жены, чтобы подкупать некоторых врачей, состоявших при призывных комиссиях, то ловко позволяя им ухаживать за нею, то умея вовремя и тайно передать несколько тысячефранковых банковских билетов.

Оказывался ли врач неподкупным, противился ли соблазну денег и заигрываниям женщины? Тогда она старалась увидеться с женой доктора, под каким-либо предлогом проникала в дом, начинала держаться там свободно, непринуждённо, по-дружески, и вскоре, благодаря влиянию очарованной супруги, эскулапа удавалось склонить на их сторону.

В подтверждение только что сказанного я приведу один случай, касающийся этой ловкой четы, о котором сам вербовщик рассказал мне не так давно.

Нашему человеку и одному из его собратьев предстояло представить призывной комиссии одного из департаментов, соседних со столицей, довольно большое число заместителей. Кроме того, они застраховали от превратностей жребия некоторое число молодых призывников, которым достались невыгодные номера: дело, как видите, было чрезвычайно важное. Он отправился в главный город департамента, чтобы собрать о врачах и хирургах комиссии сведения, которые могли бы пригодиться ему для их подкупа; но все они пользовались самой лучшей репутацией, все давали доказательства своей неподкупности. Он узнал, что у одного из них была многочисленная семья и что он жил небогато, но при этом отличался такой честностью, что о прямом предложении сделки с ним нечего было и думать.

Тогда вербовщик вернулся в Париж, поручил жене обойти этого доктора, и вот как госпожа Б*** принялась за дело... Прибыв в указанный город, она поселилась в гостинице поблизости от дома врача, а на следующий день, в час, когда, как она хорошо знала, его не должно было быть дома, явилась к нему якобы за советом относительно мнимой болезни. Жена доктора приняла её любезно, выразила сожаление, что муж вышел, и попросила посетительницу отдохнуть в гостиной. Между женщинами сближение происходит быстро: говорили лишь о пустяках и всё же расстались, взаимно очарованные друг другом. На следующий день гостья вернулась; доктора, разумеется, снова не было дома. Разговор возобновился, но на этот раз принял более доверительный характер. Врач должен был вернуться через час, и больная пожелала его дожидаться. Заговорили о домашнем хозяйстве, детях, общественном положении, и жена торговца людьми, не забывавшая о цели своего визита, как бы между прочим рассказала, что её муж, содержащий контору военного замещения, должен представить на ближайшее заседание призывной комиссии департамента несколько заместителей и что он также застраховал от превратностей жребия нескольких молодых призывников этого набора.

«Так вот, — продолжала она, — если представленные им заместители не будут приняты комиссией или если застрахованные им молодые люди, вытянувшие невыгодные номера, не будут освобождены от службы по причине какого-нибудь скрытого недуга, ему придётся нани-

мать им заместителей за свой счёт, и это дело нас разорит. А между тем, Боже мой! как легко можно было бы всё устроить, отыскав врача, который, ничуть не компрометируя себя, согласился бы действовать в наших интересах, вынося решение об освобождении от службы или об отказе в нём по указаниям моего мужа; этим он никому не причинил бы никакого вреда и был бы весьма щедро вознаграждён, ведь вот две тысячи франков, которые я передала бы ему в качестве задатка, и, сверх того, ему выплачивали бы по двести пятьдесят франков за каждого человека, которого он признал бы годным или негодным, согласно нашему желанию».

Беседа продолжалась в том же духе, и, когда жена вербовщика ушла, сделка с супругой доктора уже была заключена; мать семейства, уверенная в своём влиянии, дала согласие за мужа.

Оказал ли он поначалу какое-либо сопротивление желаниям жены или уступил при первом же натиске, я не знаю; но совершенно достоверно то, что жена получила за это дело шесть тысячефранковых банковских билетов.

Как видите, вербовщики прибегали ко всем средствам, чтобы обманывать власти. Многие из них неоднократно имели неприятности с правосудием; в их конторах и жилищах часто производили обыски, их самих арестовывали или отдавали под надзор полиции; но жажда наживы всегда оказывалась у них сильнее страха даже перед позорящим наказанием.

В 1844 году один выходец из Оверни по имени К*** занимался в Париже ремеслом агента по замещению. Чтобы увеличить свои доходы, ему пришла мысль учредить товарищество для подмены перед призывными комиссиями здоровых и годных к службе призывников людьми, не способными нести военную службу. Вот как действовал этот хитрый малый: у него на жалованье и в полном распоряжении состояло несколько молодых людей, страдавших скрытыми недугами, среди них некий Гайяр, который впоследствии, в 1850 году, был приговорён к пожизненным каторжным работам за убийство вдовы Т***. Когда застрахованному от превратностей жребия призывнику предстояло явиться перед комиссией, К*** отправлял вместо него, например, Гайяра с его документами, и молодого призывника исключали из списков армии как негодного к военной службе. Таким способом К*** скопил состояние, приносящее десять тысяч ливров годового дохода; но сколько кувшину по воду ходить, всё-таки он в конце концов... наполнится! В один прекрасный день Гайяр был арестован за кражу, сделал признания, подробно рассказал о своих отношениях с К*** и о том, к каким услугам тот его привлекал. Вербовщика в свою очередь арестовали, и он предстал перед судом присяжных вместе с семнадцатью сообщниками. Обвиняемый был богат, он выбрал себе адвоката, который обошёлся ему в шесть тысяч франков и который, несмотря на свой талант, не сумел уберечь его от приговора к каторжным работам. Наступила революция 1848 года, и К*** сумел добиться освобождения от оставшейся части наказания. С другой стороны, после осуждения овернец проявил не меньшую ловкость, ибо, передав некоторую сумму денег одному лицемерному интригану, сумел остаться в парижских тюрьмах и таким образом избежать необходимости носить одежду и цепь каторжника.

Декрет от 26 апреля 1855 года, учреждавший армейскую кассу для освобождения молодых призывников от военной службы, наконец положил конец торговле агентов по замещению, которую слишком долго терпели как печальную необходимость. Но если применение мошеннических способов в этом ремесле было сопряжено с опасностями, то оно позволяло также получать весьма солидные доходы, и большинство этих торговцев человеческим мясом отошли от дел крупными капиталистами или богатыми собственниками. Среди всех состояний такого рода самое невероятное, самое необыкновенное, самое неправдоподобное — то, которое сколотил бывший конюх, затем кучер повозки, называемой «кукушкой», ныне обладатель трёх миллионов!

III

1820–1830

ХУДОЖНИК И ЗНАТНАЯ ДАМА

В одном из богатых кварталов столицы жил господин Х***, семидесятилетний старик и миллионер, уже пять лет женатый на двадцатилетней девушке, не имевшей состояния, но принадлежавшей к знатной провинциальной семье; ни один наследник ещё не осчастливил старика, которого мучила мысль, что, если он умрёт, не оставив потомства, часть его состояния достанется родственникам по восходящей линии, на которых у него были серьёзные причины жаловаться. Его жена, со своей стороны, не меньше мужа желала потомства, которое обеспечило бы ей распоряжение большим состоянием и радости материнства. Эта мысль была для молодой женщины причиной постоянного беспокойства и часто заставляла её проливать слёзы. Господин Х***, застав её однажды с печальным лицом и покрасневшими глазами, спросил, не он ли причина её слёз: «Нет, друг мой, — ответила она, — вы лучший из людей, и моё горе происходит оттого, что до сих пор мне не посчастливилось сделать вас отцом». Растроганный старик обнял жену, сказав ей: «Быть может, недалёк тот день, когда Бог, исполнив все наши желания, вознаградит твою добродетель и искреннюю привязанность к мужу».

Здоровье супруги было несколько расстроено, когда господин Х*** получил известие о том, что его младший брат, холостяк, живший в Бретани, умер вследствие кровоизлияния в мозг; он тотчас стал готовиться в дорогу, чтобы вступить в наследство покойного, и, поскольку собирался отсутствовать лишь несколько дней, не счёл нужным брать с собой жену, которая к тому же была не в состоянии вынести тяготы путешествия. Едва её муж уехал, ей пришла мысль заново отделать свои комнаты, чтобы отвлечься от огорчений и вместе с тем приятно удивить господина Х***. Малярный подрядчик прислал ей двух лучших работников. На следующий день четырёхлетний мальчик с белокурыми шелковистыми волосами, гладкой кожей, румяными щеками и белыми ровными зубами подошёл к одному из маляров и сказал ему: «Папа, мама ждёт тебя обедать в винной лавке внизу». Находившаяся тут горничная побежала в гостиную сказать хозяйке: «Сударыня, придите же в столовую посмотреть на мальчика, который как две капли воды похож на одного из ангелов на одной из ваших картин!». Госпожа Х*** поспешила взять ребёнка на руки, несколько раз поцеловала его, повторяя: «Боже мой, какой красивый мальчик! Как была бы я счастлива, если бы у меня был такой же!» Затем, обратившись к работнику, которого малыш только что назвал папой, она спросила: «Этот маленький ангел ваш?» — «Да, сударыня», — ответил маляр. Она снова поцеловала ребёнка и, возвращая его отцу, спросила: «Как его зовут?» — «Альфонс Н***, сударыня». — «Вы доставили бы мне большое удовольствие, сударь, если бы пожелали завтра утром привести сюда вашего ребёнка: я оставлю его у себя до конца вашего рабочего дня». На следующее утро, в девять часов, мать привела его с завитыми, напомаженными волосами и одетым в воскресный костюм; горничная, получившая соответствующее распоряжение, отвела его к хозяйке, которая взяла его на руки, осыпала ласками и угостила чашкой шоколада.

Пока ребёнок завтракал, она не переставала целовать его, говоря: «Боже мой, как он красив! Я отдала бы всё на свете, чтобы иметь такого же!» Одному Богу известно, какие мысли приходили ей тогда в голову; было ли то единственное желание обеспечить своё будущее состояние или страстное стремление к материнству? Быть может, ею руководили оба эти чувства одновременно. Как бы то ни было, она позвонила горничной: «Пойдите скажите отцу этого ребёнка, что я желаю с ним немного поговорить». Когда маляр предстал перед ней, она сказала ему: «Сегодня вечером, когда вы будете уходить, прошу вас самому зайти за сыном». Работник кивнул в знак согласия. Госпожа Х***, до сих пор не устаивавшая его даже взглядом, заметила тогда, что перед ней был двадцатипятилетний мужчина с умным выражением лица, без малейшего налёта вульгарности, и что во всех отношениях он был весьма красив. Замысел, мелькнувший у неё в голове, был принят ею бесповоротно.

Когда работник вернулся за своим ребёнком, госпожа Х*** попросила его каждый день приводить сына с собой. Она легла раньше обыкновенного и провела очень беспокойную ночь;

её мысли беспрестанно возвращались к маляру и его сыну; она представляла себе, что ей придётся отказаться от всякой надежды стать матерью от своего мужа и что состояние ускользнёт от неё. Наконец, после долгих размышлений, колебаний и тревог она приняла решение и поклялась себе иметь ребёнка. Маляр усмотрел в расположении госпожи Х*** к его маленькому Альфонсу лишь прихоть, вызванную прелестью мальчика; отец, обожавший своё дитя, счёл нужным воспользоваться обстоятельствами и поддерживать, если не усиливать, интерес дамы к своему сыну. Он надеялся, что покровительство знатной дамы однажды может пригодиться ребёнку. Н*** привёл сына, как и обещал; мальчика отвели к госпоже Х***, которая ещё лежала в постели, она усадила его рядом с собой и стала целовать с таким пылом, что порвала ему блузу; поднявшись, она велела позвать маляра и сказала ему: «Сударь, я порвала блузу вашего ребёнка, вот деньги, чтобы купить другую»; при этом она вручила ему пять двадцатифранковых монет и, желая избежать его благодарностей, расспросила о семье и материальном положении.

«У меня, сударыня, — ответил он, — из семьи только жена и сын, а из состояния — только мои руки; рабочие, — добавил он, — могут сделать лишь весьма скромные сбережения; только подрядчики достигают если не богатства, то по меньшей мере почтенного достатка». — «Что ж, — продолжала госпожа Х***, — мне предстоит провести множество работ в наших владениях в Париже и провинции; если желаете, я поручу вам их на подряд».

Маляр с благодарностью согласился и шесть дней спустя уже руководил работой четырёх товарищей в доме, принадлежавшем его щедрой благодетельнице, муж которой успел возвратиться. Госпожа Х*** приказала новому подрядчику приходить к ней каждое воскресенье для расчётов; всякий раз, когда Н*** оставался с ней наедине, она разговаривала с такой непринуждённостью, которая льстила самолюбию рабочего и пробуждала в нём вождение. Однажды, когда господин Х*** находился с женой в гостиной, вошёл маляр: «Вы явились весьма кстати, сударь, — сказала ему госпожа Х***, — у нас в нескольких лье от Парижа есть загородный дом, который нуждается в некоторых украшениях: мы с мужем знаем ваш хороший вкус и хотим, чтобы вы лично занялись этим делом».

«Сударыня, — ответил подрядчик, — я готов отправиться».

«Да, очень хорошо, — продолжала она, — но прошу вас взять с собой вашего маленького Альфонса».

Несколько дней спустя отец с сыном находились уже в загородном доме, где предупреждённый заранее садовник устроил их. В следующее воскресенье госпожа Х*** прибыла инкогнито и велела позвать Н*** в гостиную, где приняла его весьма любезно, с улыбкой на губах. «Муж, — сказала она ему, — уговорил меня приехать сюда на несколько дней, чтобы избавиться от ужасной мигрени, которая уже три дня сводит меня с ума. Господина Х*** удерживает в Париже неотложное дело». Так прошло четыре месяца. Маляр пользовался полным расположением хозяйки дома; зато маленький Альфонс утратил в привязанности знатной дамы ровно столько, сколько приобрёл его отец.

Через несколько дней после их возвращения в столицу госпожа Х*** однажды утром вошла в комнату мужа, бросилась ему на шею и сказала, крепко обнимая его: «Ах, друг мой, как я счастлива, я ношу под сердцем залог вашей любви».

Эта новость наполнила радостью доброго старика. «Сударыня, — сказал он ей, — возблагодарим Бога за то, что Он внял нашим желаниям». С этого мгновения супруга удвоила заботы и внимание к мужу, но по мере того как беременность её продвигалась, она выказывала всё больше отчуждения к маляру и вскоре под предлогом нездоровья не только отказывалась его принимать, но и через мужа распорядилась, чтобы тот немедленно прекратил работы. До той поры Н*** думал, что холодность госпожи Х*** по отношению к нему была лишь следствием тяжёлой беременности; вскоре он понял, что ошибался и что ему попросту давали настоящую отставку.

Этот разрыв, обманувший его надежды, причинил ему сильное горе; немного времени спустя горячка, сопровождавшаяся бредом, поставила под угрозу его жизнь; но хороший уход и крепость молодого организма вскоре вернули его к жизни. Когда здоровье вернулось, страсть вновь обрела всю свою неистовость; им овладела одна навязчивая мысль: он полагал, что, если ему удастся поговорить с госпожой Х***, она смягчится и вновь станет лучше к нему относиться. С этой целью он подкараулил уход её мужа и, не велев о себе доложить, проник в спальню той, которая занимала все его мысли. Он бросился к ногам госпожи Х*** и, сложив руки, умолял простить его, если ему довелось чем-либо её оскорбить. В ответ она предложила ему двадцать тысяч франков при условии, что он согласится покинуть Париж. От этого предложения лицо маляра вспыхнуло; оно по-настоящему унизило его, и его ответ не был лишён достоинства; он добавил: «Я люблю вас, и ничто не сможет заменить вас в моём сердце».

Встревоженная и разъярённая таким ответом, она пригрозила приказать слугам выбросить его за дверь, если он тотчас не уйдёт. Маляр вышел со слезами на глазах, не в силах произнести ни слова. Презрение этой женщины, которое должно было бы заставить его забыть её, лишь ещё более разожгло его любовь; видеть её стало для него настоятельной необходимостью; поэтому он пренебрегал своей семьёй и делами, чтобы бродить около её особняка в надежде хотя бы на мгновение увидеть её. Он узнал, что она находилась в Бретани, где родила дочь, и что вскоре после этого её муж был разбит параличом, а затем скончался. Честолюбие вдовы было удовлетворено: теперь у неё был ребёнок, благодаря которому она стала наследницей всего состояния покойного. Госпожа Х*** вернулась в Париж в глубоком трауре. Маляр явился в особняк знатной вдовы, но та отказалась его принять и приказала не пускать его к себе.

Отчаявшись, но влюблённый сильнее прежнего, он решил следовать за нею всюду, куда бы она ни пошла. Он знал, что около четырёх часов она имела обыкновение гулять с горничной в Люксембургском саду; он увидел, как она вышла из особняка, и приблизился к ней; но прежде чем он успел произнести хоть одно слово, она презрительно сказала ему: «Чего вы хотите, сударь? Я вас не знаю, удалитесь!» Затем она повернулась к нему спиной. Эти слова произвели на маляра столь сильное впечатление, что он остался стоять как вкопанный. Н***, не в силах совладать со своей страстью, продолжал свои вылазки в окрестности дома госпожи Х***, которая прекрасно знала обо всех его действиях; поэтому она стала выезжать только в экипаже с опущенными шторами.

Прекрасная вдова, опасавшаяся объяснения, решила прибегнуть к помощи полицейской префектуры и отправилась туда жаловаться, что маляр по имени Н***, своего рода мономан, преследует её своей безумной любовью. Этого беднягу вызвали в полицейское отделение; ему пригрозили арестом, если он будет продолжать свои домогательства; ему запретили под каким бы то ни было предлогом приближаться к особняку знатной дамы. Он обещал всё, чего от него требовали, но не сдержал ни одного обещания. В тот же день он написал госпоже Х*** письмо, в котором напоминал о некоторых обстоятельствах их пребывания в загородном доме. Это письмо заставило молодую женщину подумать, что ради собственного спокойствия ей следует вновь обратиться к полиции, и, чтобы доказать той, что маляр не вполне в своём уме, она показала письмо, которое он ей написал. Его арестовали, объявив, что отправят в Бисетр лечить его от мономании, затем доставили в арестантское отделение, где содержали в одиночном заключении.

Если ночь приносит добрый совет, то три дня одиночества в камере дают куда больше поводов для размышления, чем ночь. Тогда он подумал о жене, о ребёнке, о нищете, в которой они окажутся, если лишатся плодов его труда; любовь к семье, о которой он так долго забывал, вновь овладела им. Он написал письмо, в котором заявлял, что навсегда отказывается от всяких попыток иметь дело с госпожой Х***. Повторив это обещание вслух, он был освобождён, но

перед уходом рассказал все подробности этой истории, добавив: «Вот видите, господа, я не сумасшедший и не мономан».

IV

22 МАРТА 1832 ГОДА!!!

При воспоминании об этой дате сердце сжимается, ибо именно в этот день, навеки злополучный день, страшное бедствие, ужасная эпидемия, одним словом, холера, появилась в Париже!

Бедствие, причины которого оставались неизвестными, а последствия были неумолимыми, уже прошло по северу Европы и повергло в траур часть Старого Света. Вскоре в народе распространились слухи, нелепые басни, внезапно приобретшие прискорбное значение. Согласно этим пересудам, бесчестные люди, подкупленные некой адской силой, будто бы задумали отравить жителей столицы, подсыпая ядовитые и смертоносные вещества в пищу и напитки. Однако эти слухи, сколь бы нелепыми они ни казались, получили в некотором роде официальное подтверждение.

Префект полиции думал положить конец страхам населения перед мнимыми отравителями, обнародовав распоряжение, призванное успокоить умы, возбуждённые злонамеренностью. Он предписывал торговцам напитками, таким как виноторговцы, содержатели кофеен, молочники, водоносы и прочие, равно как мясникам и колбасникам, тщательно прикрывать свой товар, чтобы расстроить таким образом замыслы врагов общественного порядка.

Но что же произошло?

К несчастью, это воззвание произвело действие, прямо противоположное тому, которого от него ожидали.

Поскольку холера продолжала свои опустошения, а мнимый яд ежедневно обнаруживал себя всё теми же признаками, невежество, подкреплённое этими обманчивыми видимостями, превратило сомнение в убеждённость, и злополучный циркуляр, увы, лишь укрепил в народном сознании уже распространившиеся нелепые и тревожные слухи.

Именно тогда на наших улицах, на наших набережных, на наших площадях стали разыгрываться сцены чудовищного варварства, за которые истории придётся краснеть: несчастных, ставших жертвами роковой ошибки, убивала разъярённая чернь! Пусть прочтут «Вечного жида» Эжена Сю, и среди страниц, которые он умел писать столь мастерски, найдут совершенное изображение одной из этих ужасных сцен зверства и варварства.

Чтобы остаться верным намеченной мною программе, считаю своим долгом рассказать здесь о нескольких таких прискорбных происшествиях.

В то время я возглавлял бригаду, ведавшую старьёвщиками и рынком Тампль. Как я уже говорил, рассказывая об устройстве этой бригады, инспектором под моим началом тогда служил некто Фроден. Однажды утром, проходя по улице Руаяль-Сен-Мартен по дороге на службу, он увидел большое скопление людей и, возможно, прошёл бы мимо, не поинтересовавшись его причиной, если бы из середины толпы не раздались разноголосые крики, вскоре подхваченные повсюду:

— Это отравитель! Смерть ему!

— Его поймали с поличным! Смерть ему!

— Растерзаем его!

— Повесим его на фонаре!

— Да, верно! Повесим его! Это послужит другим уроком!

— Да, но прежде чем вешать, давайте немного разорвём его на куски, чтобы он узнал, каково это — травить народ!

Услышав эти вопли, мой инспектор бросился вперёд, проложил себе дорогу сквозь толпу и не без труда пробрался в самую гущу сборища, где увидел человека, которого перебрасывали

из рук в руки и который, с лицом, покрытым ушибами, и в изорванной одежде, казался принесённым в жертву народной ярости.

— Стойте! — вскричал Фроден. — Этот человек мой, и я требую выдать его! Я полицейский агент и берусь за него: он послужит примером для остальных.

Некоторые свидетели этой волнующей сцены, добрые рабочие, меньше верившие слухам об отравлениях или не столь склонные вершить суд собственными руками, закричали:

— Да! Да! Уведите его! И пусть из него сделают пример!

Но поскольку этот благоприятный порыв мог иссякнуть и народ вновь поддаться ярости, Фроден поспешил увести несчастного, уже полумёртвого; в ту же минуту мимо проходили двое муниципальных гвардейцев; мой агент потребовал их помощи, и они смогли беспрепятственно добраться до ближайшего поста. Но, увы, несчастный, ставший жертвой народного заблуждения, не пережил потрясений и жестокого обращения, которым подвергся.

На улице Фобур-Сент-Антуан образовалось несколько групп, и там, как и повсюду, молва приписывала повальную смертность деятельности искусных и коварных отравителей.

— Да, — сказал один из ораторов, — я сегодня утром видел человека, которого растерзали на улице Сен-Совер как раз тогда, когда он бросил яд в сосуд молочницы.

— Мерзавец!

— Убийца!

— И подумать только, что такие чудовища ещё существуют!

— Травить бедный народ! Господи Иисусе! — вскричала старуха. — Какой ужас!

— Ах, если хоть один из них нам попадётся!

— Да, если я хоть одного поймаю, он ответит за всех остальных!

— Смерть! Смерть отравителям! — завопил фальцетом какой-то мальчишка.

— Смерть отравителям! — ответила толпа...

Но оставим ненадолго этих бедняков облегчать свои страдания кровавыми криками и обратим взор на ту же улицу, несколькими сотнями шагов выше.

Посмотрите на этих двух мужчин, которые идут по предместью, беседуя о своих делах или удовольствиях и дружески держась под руку; один тучен, другой худощав, и последний только что порылся в кармане, вынул бумажный пакетик с шариками из камеди и предложил один своему приятелю, который, куря сигару, отказался.

В это время наши двое прохожих поравнялись с улицей Сен-Никола: маленькая босая нищенка, едва прикрытая несколькими лохмотьями ткани, заменявшими одежду, подошла попросить у них милостыню. Человек с сигарой дал ей одно су, человек с пакетиком тоже дал ей су и предложил шарик из камеди.

— Не бери этого, малышка, — крикнул проходивший мимо тряпичник, — помрёшь!

— Как! Умереть? — воскликнул человек с шариками.

Эти слова были услышаны; несколько человек остановились, мужчин окружили и стали теснить; группа, о которой я говорил только что, находилась в двух шагах; увидев, что собирается толпа, она подошла и смешалась с нею. Все эти бедные рабочие, ещё напуганные числом умиравших людей и взбудораженные собственными только что раздавшимися воплями, принесли с собой какую-то лихорадочную ненависть и враждебный настрой. Тряпичник, первый зачинщик этого сборища, стоял на своём относительно шариков из камеди; двух мужчин принялись допрашивать, им задавали вопросы и грозили, кричали, вопили, затем от слов перешли к делу, стали их толкать и трясти, потом заговорили о том, чтобы их повесить или растерзать, и, перейдя от угроз к исполнению, в конце концов жестоко избили их.

Но отведите на мгновение взгляд; посмотрите на этого человека, который бежит, торопится; неужели и он спешит принять участие в расправе? Неужели он тоже хочет ударить, вырвать клочок волос? Нет! Услышав крики, он прибежал, чтобы, если это возможно, унять народное возбуждение и вырвать несчастную жертву из рук смерти, ибо он хорошо догадался,

что происходит. Этот человек шарит в кармане не затем, чтобы отыскать оружие, а чтобы извлечь оттуда средство защиты; он вынимает трёхцветную перевязь, которой опоясывается на бегу; это полицейский комиссар, господин Жакмен. При его появлении тесные ряды толпы расступаются, чтобы тотчас сомкнуться за ним; но, когда он говорит, что намерен освободить этих двух несчастных, его голос тонет в криках смерти; тщетно он пытается призвать на помощь свою власть; толкаемый, теснимый, перебрасываемый из стороны в сторону, господин Жакмен видит, что обе жертвы вот-вот погибнут у него на глазах; но, к счастью, мимо проходит конный дозор муниципальной гвардии, и полицейский комиссар, тотчас призвав его на помощь, добивается того, чтобы двух несчастных доставили в его участок, и таким образом спасает им жизнь.

V

УБИЙСТВО ВДОВЫ ДЕНИО

В десяти километрах от Эврё, на дороге из Парижа в Кан, находится Мизере, небольшая деревня, состоящая из нескольких ферм и постоянного двора, у которого пучок падуба прежде всего бросается в глаза прохожему. В 1842 году вдова Денио, женщина уже довольно пожилая, одна содержала этот постоянный двор; впрочем, посетителей у неё было чрезвычайно мало.

Однажды человек, который незадолго до того поселился у неё, выстрелил в неё из ружья в упор; несчастная упала, а убийца, решив, что она мертва, принялся обыскивать всё вокруг, взял то, что ему приглянулось, и скрылся.

Вдова Денио не скончалась и благодаря оказанной ей помощи смогла прийти в сознание и заявить, что человека, который её убил и ограбил, звали Амеде. Но тяжесть её состояния не позволила ей сообщить никаких других сведений.

При первом известии об этом происшествии следственный судья Эврё прибыл на место и предположил, что убийца после совершения своего преступления должен был направиться в Париж; он выдал ордер на арест преступника и отправил его в префектуру полиции.

Этот документ передали мне с приказанием принять необходимые меры к аресту убийцы; но дело было нелёгким, поскольку в ордере значилось только имя Амеде и не было никакого описания примет. В таком городе, как Париж, найти человека, зная лишь его крестильное имя, почти невозможно. Тем не менее следовало добиться успеха или, по крайней мере, сделать для этого всё возможное. Поэтому я велел навести справки в бюро меблированных квартир, где не нашли ни одного человека с фамилией Амеде; несколько человек носили это имя как личное. О каждом из них навели самые подробные справки, но безуспешно.

Поскольку поиски в Париже оказались напрасными, я отправил способных агентов осмотреть меблированные дома в предместьях и расспросить завсегдатаев городских застав. Вскоре агент по прозвищу Пти-Помпье, которому было поручено обследовать Ла-Виллет, Ла-Шапель и Монмартр, пришёл сообщить мне, что в одном притоне последней из этих коммун, на дороге Императора, он обнаружил в полицейской регистрационной книге имя Амеде Франсуа с отметкой, что тот проживает там. Я придал ему ещё двух инспекторов и, передав им ордер на арест, приказал на рассвете нанести этому человеку небольшой визит. И действительно, едва забрезжил рассвет, как трое моих агентов, громко постучав в дверь меблированного дома, властно потребовали, чтобы им открыли.

Хозяйка явилась полуодетой и едва расслышала вопрос, заданный ей агентом, у которого находился ордер:

— Все ли люди, записанные в вашей книге как проживающие здесь, вернулись ночевать?

— Да, сударь! Почему вы спрашиваете?

— Просто так! Проводите нас в комнату Амеде Франсуа.

При этих словах хозяйка меблированного дома стала запинаться, изменилась в лице, уронила старую шаль, которую набросила себе на плечи, и наконец произнесла:

— Ах, боже мой, господа! Это ошибка, я забыла вычеркнуть этого человека; восемь дней назад он покинул мой дом.

— Но в таком случае, матушка, вы нарушили правила, ведь вам прекрасно известно, что полиция не шутит, когда дело касается книг регистрации постояльцев.

— Ну что ж! Что поделаешь? Заплачу штраф.

Убедившись, что Амеде нет в доме, агенты спросили хозяйку, знает ли она, куда он переселился. Но хитрая кумушка успела оправиться и вновь обрести хладнокровие, поэтому ответила с величайшей дерзостью:

— Его адрес? Да лучше бы вы сами мне его сказали! Вы оказали бы мне огромную услугу, потому что он съехал, оставшись должен мне деньги, и мне очень хотелось бы до него добраться!

После такого ответа говорить с ней было больше не о чем. Агент вернулся в префектуру и доложил мне о случившемся; я отправил его обратно на Монмартр и приказал вместе с товарищами установить самое бдительное наблюдение за этим меблированным домом и следовать за хозяином и хозяйкой, когда они будут выходить, чтобы выяснить, не отправятся ли те предупредить Амеде, что полиция его разыскивает. Это наблюдение увенчалось полным успехом, ибо едва оно началось, как из дома вышла внучка хозяина, за которой последовал один из агентов и увидел, как она вошла в меблированный дом в Батиньоле, неподалёку от пивоварни. Как только она вышла оттуда, агент вошёл в дом и потребовал регистрационную книгу, в которой увидел запись: Франсуа Амеде — проживает.

Он тотчас побежал за товарищами, и все трое возвратились в этот меблированный дом. Комната Амеде находилась на первом этаже, её окно выходило во двор, из которого можно было выйти лишь через проход, куда также вела лестница. Один агент расположился во дворе под окном Амеде, второй остался у входа в проход, а третий, Пти-Помпье, поднялся на первый этаж и постучал в дверь, но ответа не получил; он постучал сильнее, ему не ответили. Тогда, заглянув в замочную скважину, он увидел, как Амеде привязывал простыни со своей постели к перекладине окна, затем достал из-под соломенного тюфяка большой седельный пистолет и направился к окну, чтобы бежать; но, увидев агента, стоявшего под окном с задранной головой и встретившего его появление коротким, сухим и звонким смешком, Амеде издал яростный возглас, взвёл пистолет, прицелился в агента и спустил курок; однако капсюль не воспламенился, и тогда он схватил пистолет за конец ствола и швырнул его в голову агента, но не попал.

Инспектор, находившийся на лестничной площадке, собрав все свои силы, принялся вышибать дверь спиной; ему не без труда удалось выбить доски, после чего он ворвался в комнату, где убийца, поджидавший его с огромным ножом в руке, воскликнул: «Всё равно я хоть одного прикончу!»

Но бесстрашный агент, опередив нападение, внезапно бросился на своего противника, ловко отбил удар, который тот ему нанёс, и, повалив его ударом головы в живот, сумел им овладеть. На крики товарища прибежали двое других инспекторов и связали пленника.

При обыске его комнаты были изъяты многочисленные вещественные доказательства, такие как женское бельё, воротнички, чепцы, косынки и даже свадебный букет его жертвы. Наконец, при нём нашли 400 франков золотом. Доставленного в префектуру полиции человека опознали как Луи Даржелю, сапожника тридцати двух лет, недавно освобождённого из центральной тюрьмы в Мелёне, где он отбыл пятилетнее заключение.

Представ перед судом присяжных департамента Эр, Даржель столкнулся с новыми обвинениями, поскольку помимо убийства вдовы Денио был признан виновным в умышленном убийстве с заранее обдуманной намерением некоего Сен-Омера в Пюто, близ Парижа. Вследствие этого он был приговорён к смертной казни и казнён в Эврё 20 января 1843 года.

VI

БРАЗИЛЕЦ-АРХИМИЛЛИОНЕР

Много говорили о восточной роскоши некоторых набобов, приезжавших посетить Францию; с удовольствием отмечали тщеславное великолепие, которое наши соседи по ту сторону Ла-Манша выставляли напоказ в Париже при известных обстоятельствах, особенно во времена, уже довольно далёкие от нас; что же касается меня, имевшего возможность вблизи видеть богатых иностранцев, живших в столице, и узнать о них любопытные подробности, то я полагаю, что бразильцы могут претендовать на первое место среди путешественников, которые не останавливаются ни перед какими расходами ради удовлетворения своих желаний.

Я приведу в пример одного из них, с которым мне несколько раз довелось иметь дело.

Этот бразилец обладал столь огромным состоянием, что оказался бы в большом затруднении, если бы по какой-либо причине его заставили назвать точную сумму своего богатства.

Молодой, приятной наружности, весьма изысканный в речах и манерах, но совершенно распущенных нравов, он без разбора выбирал себе любовниц среди замужних женщин, актрис или гризеток и всегда держал при себе одновременно нескольких таких несчастных, к которым даже на короткое время привязывался лишь тогда, когда им удавалось хоть на мгновение вновь возбудить его пресыщенные вожделения, и весьма часто обращался с ними так, как обращаются с рабами у него на родине.

Вследствие одного из тех злоупотреблений, источником которых так часто становятся деньги, этот богатый иностранец поддерживал постоянные отношения с одним занимавшим хорошее положение служащим префектуры полиции и умел, рассчитывая на продажность этого человека, превращать того, кто должен был быть защитником добрых нравов, в пособника, которого использовал совершенно для иных целей.

Нужны ли были ему сведения о той или иной молодой девушке? Домогался ли он обладания той или иной замужней женщиной? Желал ли избавиться от преследований покинутой любовницы, побуждаемой ревностью или желанием получить немного денег; он немедленно являлся в полицейские кабинеты и там посредством золота, этого ключа, умеющего отпирать столь многие совести, без труда получал желаемое.

Я не стану распространяться далее о прискорбном злоупотреблении, которое из этого вытекало. Полиция, служение которой следовало бы исполнять как священный долг и назначение которой состоит в защите общества от преступников, добродетели от порока, слабости от грубой силы, здесь настолько уклонилась с пути, которым должна была следовать, что дошла до оказания содействия обольщению против невинности, похоти против честности, безнравственности против добрых нравов.

Однажды зимой я получил приказ вечером, в девять часов, явиться в особняк, где жил этот Сарданапал. Слуги, предупреждённые заранее, должны были беспрепятственно пропустить меня в святилище этого вельможи.

В назначенный час я назвал свою должность швейцару, который, низко поклонившись, провёл меня через большой двор. Дойдя до величественной мраморной лестницы, ведущей в покои современного сибарита, я был остановлен на первой ступени лакеем, который попросил меня немного подождать. Не прошло и нескольких секунд, как лакей появился вновь. Он пригласил меня подняться на второй этаж, где привратник, весь одетый в чёрное, вновь остановил меня и предложил присесть, сказав, что пойдёт узнать, может ли монсеньор меня принять.

Пока этот третий собеседник исполнял своё поручение, я с вниманием и любопытством рассматривал окружавшие меня предметы: повсюду свет отражался в золоте и шёлке, и даже в мельчайших подробностях проявлялась княжеская роскошь, облагороженная хорошим вкусом выдающегося художника. Привратник вернулся и пригласил меня следовать за ним. Мы вошли в спальню. Богатый бразилец небрежно раскинулся в кресле перед великолепным камином из белого мрамора. Я отказываюсь описывать изящное и восхитительное убранство этой комнаты. Когда привратник доложил обо мне, человек, к которому я пришёл, не вставая, приветствовал меня любезным поклоном.

— Мне досадно, сударь, что мой друг не оказался столь же точен к назначенному времени, как вы.

— Ах, вы кого-то ждёте?

— Да, и когда этот человек придёт, мы поговорим о деле, ради которого я просил вас пожаловать ко мне в особняк. Впрочем, я думаю, что этот друг не замедлит явиться.

— Позвольте мне, сударь, пока мы ждём, полюбоваться прекрасными вещами, украшающими эту комнату.

При этих словах мой собеседник поднялся, сам подвёл меня к каждому предмету мебели, к каждой картине, с самым совершенным светским изяществом объясняя мне значение каждой редкости, каждого произведения наших лучших художников; затем он позвонил своему управляющему и сказал ему: «Покажите сударю мой маленький музей».

Меня повели по нескольким смежным гостиным, настолько наполненным прекрасными, дорогими, великолепными вещами, что на мгновение глаза мои были ослеплены: я смотрел, ничего не видя, но вскоре смог спокойно рассмотреть диковины, которые мой услужливый проводник торопился мне объяснить или, вернее сказать, дать подержать в руках.

Я не стану говорить ни о картинах великих мастеров, покрывавших стены, ни о фресковых росписях, украшавших потолки, ни о великолепной мебели, наполнявшей эти комнаты, ни о бронзовых изделиях, фарфоре и предметах искусства, стоявших на полках; упомяну лишь пару пистолетов, украшенных драгоценными камнями всевозможных размеров и цветов. «Эти пистолеты, — сказал мне управляющий, — стоят двести тысяч франков!»

По окончании осмотра я вернулся к хозяину, который встретил меня со смехом и сказал с весьма заметным выражением удовлетворения:

— Ну что же, вы довольны моим маленьким музеем?

— Я им восхищён, сударь, он превосходит всё, что я мог себе представить. Откровенно признаюсь вам, что в живописи я весьма посредственный ценитель, но что касается вашего роскошного и редкого оружия, то я заявляю, что не видел ничего столь замечательного, и уверен, что все эти редкости стоят несколько миллионов.

— Эти предметы, — отвечал он тоном человека, стоящего выше мелкого тщеславия, — и в самом деле имеют известную ценность.

Наш разговор был прерван приходом ожидаемого друга. Это тоже был бразилец, лет тридцати — тридцати пяти, весьма красивый мужчина с чрезвычайно изысканными манерами.

— Вот, — сказал мой хозяин вновь прибывшему, указав на меня кивком головы, — вот помощник начальника сыскной полиции; это он обнаружил, что знаменитый Ласенер был одним из убийц знаменитого банковского служащего.

Такое вступление ставило меня в положение, при котором их любопытство неизбежно должно было обратиться ко мне, и мне пришлось с некоторыми подробностями рассказать, какими способами воры совершают свои злодеяния и какими средствами полиция пользуется для обнаружения и задержания воров.

Когда я закончил, мы придвинулись к камину, и мой собеседник взял слово:

— Господа, — сказал он нам, — я просил вас навестить меня, чтобы спросить вашего совета по одному делу, которое причиняет мне много неприятностей и с которым я хотел бы покончить как можно скорее.

— У меня была любовницей молодая девушка из рабочего сословия, очень хорошенькая гризетка, безумно в меня влюбившаяся. Долгое время я содержал её в большом достатке; но всё надоедает, и уже год как я прекратил с ней всякие отношения, хотя и назначил ей содержание.

Я полагал, что совершенно от неё отделался; однако это не так, ибо я постоянно встречаю её на своём пути, и она осыпает меня письмами, в которых угрожает устроить скандал. Не раз я пытался денежными посылками склонить её к более благоразумным чувствам, но безуспешно; думаю, что за кулисами стоит кто-то, кто подстрекает её преследовать меня таким образом.

— Да нет же, мой дорогой! — прервал его друг, — это просто женщина, которая, уже не помня о своём первоначальном положении, не может вынести того сравнительно скромного существования, до которого она теперь опустилась; вы избаловали её, окружив роскошью, к которой она не привыкла и которая её ослепила. Теперь она желает лишь одного: снова обрести тот достаток, которым вы её окружали.

— Быть может, — сказал я в свою очередь, — во всём этом есть лишь один побудительный мотив — ревность, и если эта девушка действительно любит вас, что весьма возможно, то она добивается вас, а не вашего состояния.

— Как бы там ни было, — ответил Крез после минутного размышления, — я вижу лишь одно средство покончить с этой женщиной; мы велим ей прийти сюда, что, разумеется, не составит труда, а затем заставим её раздеться и будем сечь, пока она не взмолится о пощаде и не поклянётся больше меня не беспокоить. После этого, если она осмелится вновь мне докучать, мы повторим наказание, но на этот раз таким образом, что у неё отпадёт охота возвращаться.

— Ого! Ого! Господа, — воскликнул я, — ну и меры вы предлагаете! Вы, несомненно, полагаете, что всё ещё находитесь среди своих рабов! Но вы ошибаетесь: мы здесь, во Франции, где существуют законы, защищающие как богатого, так и бедного, как сильного, так и слабого; принудительные средства допускаются только в России, где главным пособником полиции является кнут. И по этому случаю я расскажу вам один анекдот, которого вы, вероятно, не знаете и который, конечно, не делает чести полиции этой страны, где притязают на то, чтобы пресекать не только действия, враждебные правительству, но и наказывать мысли, не вполне согласующиеся с его политикой, — притязание, которое кажется мне чрезмерным, но берёт своё начало в злоупотреблениях абсолютной властью.

Графиня де Р***, невестка человека, прославившего своё имя отчаянным поступком во время войны 1812 года, совершила преступление, написав несколько стихотворных строк в пользу поляков. Такая дерзость не могла остаться без наказания, преступление ожидало кары, и она не замедлила последовать. Начальник полиции попросил передать этой знатной даме, чтобы она соблаговолила зайти к нему в кабинет для разговора по делу, касавшемуся её лично.

Госпожа де Р*** явилась по полученному приглашению, ибо в этой любезной стране подобное приглашение равносильно приказу.

Когда начальник полиции увидел, как она вошла в его кабинет, он любезно кивнул ей и с улыбкой на губах пригласил приблизиться к своему столу. Едва она подчинилась этому повелению, как люк, устроенный в полу, начал опускаться у неё под ногами; и по мере того как люк уходил вниз, она чувствовала, что её одежда задирается, поскольку окружность отверстия позволяла пройти через него только нагому телу. Вскоре в кабинете полицейского раздались крики боли, перемежавшиеся рыданиями: казакам, стоявшим под полом, было приказано изо всех сил и без передышки сечь ту часть тела, которая таким образом покажется перед ними.

Эту несчастную женщину, несмотря на её душераздирающие крики, бичевали до тех пор, пока её палач не счёл наказание достаточным. Тогда с помощью особого механизма люк вернулся в первоначальное положение, а несчастную жертву этого варварства отпустили, не преминув пригрозить ей ещё более суровым наказанием, если она когда-нибудь вновь вздумает заниматься политикой. Вот, господа, вот что вы намереваетесь сделать; только поскольку здесь у вас нет люка, вам придётся самим снизойти до исполнения отвратительных обязанностей палача!

Во время этого рассказа, взволнованный собственным негодованием, я постепенно повышал голос, а на последних словах он достиг почти той высоты, которая бывает при гневе, и оба моих слушателя, изумлённые и, быть может, внутренне взволнованные, молча переглянулись.

— Но в таком случае, — заговорил через некоторое время главный из собеседников, — если вы ничего не можете сделать, чтобы избавить меня от назойливых преследований этой женщины, значит, мне придётся постоянно оставаться в её власти?

— Простите, сударь, есть одно средство, и, полагаю, это лучшее, к которому вы могли бы прибегнуть: следует дать этой особе знать, что полиция получила приказ предупреждать, а при необходимости пресекать всякую скандальную выходку с её стороны, и, чтобы доказать ей, что за ней наблюдают, поручить двум людям открыто следовать за нею повсюду, куда бы она ни направилась. Итак, несомненно, что, с одной стороны, страх перед полицией, а с другой — досада от того, что эти двое постоянно ходят за нею, побудят её прекратить всякие дальнейшие преследования и докучливые домогательства по отношению к вам.

Это средство было применено на деле и увенчалось полным успехом.

У нашего богатого бразильца был родственник в Рио-де-Жанейро, который, однако, несколько лет жил в Париже. Во время пребывания в нашей столице у него была любовница. Когда семейные дела заставили его вернуться на родину, он уехал, оставив любовнице особняк, экипажи и слуг.

Весьма желая узнать, во что эта женщина обходилась своему любовнику, знатный бразилец обратился в полицию, причём, как всегда, к одному и тому же человеку, с просьбой добыть эти сведения.

Бригадир Фродену и агенту Гальби поручили предпринять необходимые для этого шаги; в течение пятнадцати дней они вели непрерывные поиски, не сумев узнать ни малейшей подробности из того, что требовалось выяснить. Лишь тогда, в полном отчаянии, это дело поручили мне.

Под различными предлогами я расспрашивал прислугу этого дома, поставщиков и близких друзей дамы, но не смог добиться ни малейшего результата; однако, к счастью, моя память, особенно хорошая на местные обстоятельства, как всегда, пришла мне на помощь. Я вспомнил, что несколькими годами ранее организовал наблюдение в особняке знатной дамы из Баии, у которой было совершено множество краж, и, когда приходил проверять агентов, узнал от управляющего этой дамы, что родственник моего богатого бразильца был чрезвычайно щедр и увёз из Парижа в Бразилию подмастерье-парикмахера, который после трёх лет пребывания в этой стране заболел и выразил своему господину желание вернуться во Францию; тот, согласившись на его просьбу, назначил ему пенсию в тысячу восемьсот франков. Этот рассказ навёл меня на мысль, что, если удастся найти этого парикмахера, я смогу получить от него все необходимые сведения.

Поэтому я отправился в бюро подмастерьев-парикмахеров справиться, не знают ли они кого-нибудь из своих собратьев, прежде служившего у богатого бразильца.

Я узнал, что этот человек, известный под именем Леон, больше не занимался своим ремеслом и жил на одной из улиц предместья Монмартр. Вооружённый этими сведениями, я отправился в предместье и обошёл все его улицы, заходя из дома в дом и спрашивая Леона, парикмахера-пенсионера. Повсюду мне отвечали отрицательно.

Я уже начинал отчаиваться в успехе своей миссии, когда, проходя мимо улицы Бержер, услышал, как меня окликнули по имени. Удивлённый, я обернулся и увидел на пороге лавки одного из моих старых знакомых по рынку Тампль, который, стоя передо мной и приветствуя меня одновременно взмахом руки, кивком головы и улыбкой, занимался тогда торговлей готовым платьем на той самой улице, по которой я шёл. Я подошёл к нему и по его настоянию вошёл в лавку. Мы заговорили о перемене в моём положении, о ходе дел, а затем в ходе беседы я наконец сообщил ему, что собираюсь отправиться в Бразилию, и спросил, не знает ли он случайно по соседству бывшего подмастерья-парикмахера, живущего на пенсию, которую назначил ему прежний хозяин.

— Чёрт возьми! — ответил мой портной, — лучше, чем ко мне, вы и обратиться не могли, потому что он живёт в двух шагах отсюда. Он один из моих клиентов, и, если хотите, я пошлю за ним своего мальчика.

— Вы доставите мне тем большее удовольствие, что я как раз его разыскиваю, ибо мой парикмахер, который не смог назвать мне его точный адрес, рассказал о нём как о бывшем товарище по ремеслу, проводшем несколько лет в Рио-де-Жанейро и, следовательно, способном сообщить мне полезные сведения о нравах и обычаях жителей этого города.

Через несколько минут бывший парикмахер прибыл, и цель моей встречи с ним вскоре была ему объяснена; он, по-видимому, был польщён доверием, которое я проявлял к его суждениям, обращаясь к нему с расспросами, и предложил свои услуги. Я поблагодарил его, добавив, что прошу его вместе с портным принять моё приглашение на завтрашний завтрак в ресторане Деффё, чтобы мы могли там поговорить в своё удовольствие. Моё предложение было дружески принято, и мы условились о встрече.

На следующий день в назначенный час мы втроём собрались в отдельном кабинете ресторана и, завтракая, от души пили за успех моего предстоящего путешествия. Головы разгорячились, появилось шампанское, и я приступил к главному делу.

Мы заговорили о Бразилии, её жителях, образе жизни, который они ведут, и совершенно естественно бывший парикмахер привёл мне в пример своего прежнего хозяина. Я поощрил его продолжать в этом духе и вскоре узнал мельчайшие подробности существования этого человека, его занятий, интимной жизни, связей, вплоть до имени дамы, которую он любил больше всех, и расходов, которые делал на неё; я узнал, в какое время и каким образом ему брили бороду, затем бывший парикмахер описал его одежду, открыл мне некоторые особенности его туалета и, наконец, сообщил даже названия его любимых блюд.

— Прежде у моего хозяина, — добавил цирюльник, — была в Париже любовница, которая обходилась ему ни много ни мало в двести тысяч франков в год, но в настоящее время дела идут плохо: наши влюблённые охладели друг к другу.

Я получил сведения, намного превосходившие то, что хотел узнать. Мне уже нечего было ожидать от болтливости бывшего парикмахера, и мы расстались весьма довольные друг другом.

Из всего узнанного я составил очень подробный доклад, который представили бразильскому архимиллионеру.

Увидев все подробности, изложенные о его родственнике, он воскликнул: «Французская полиция, должно быть, колдовская, ибо иначе я решительно не понимаю, как она может знать в Париже, что происходит в доме в Рио-де-Жанейро, и ведать не только то, что человек увидел бы, находясь там сам, но даже самые сокровенные подробности частной жизни, вплоть до одежды, скрытой от глаз, которую носит обитатель этого дома. Да, признаю, французская полиция — первая полиция во всём мире!» Некоторое время спустя мне довелось снова увидеть нашего сибарита, который не знал, что автором этого доклада был я. Поговорив о поручении, которое я выполнял по его делу, я перевёл разговор на этот доклад и спросил, остался ли он им доволен. — Как, доволен? Скажите: восхищён, в восторге, изумлён! Я никогда бы не подумал, что мне смогут сообщить столько подробностей, и до сих пор спрашиваю себя, каким дьявольским образом здесь могли разузнать, чем занимается у себя дома в Бразилии мой родственник. Впрочем, агенты, должно быть, остались довольны, потому что я передал для них три тысячи франков.

Я не стал разуверять моего бразильца в том, что для этого потребовалось некоторое число агентов, хотя в данном случае действовал один только я.

Я получил пятьдесят франков, из которых сорок пять истратил на завтрак. Куда же девался остаток от вознаграждения, которое дал этот великолепный иностранец? Эти деньги, как и многие другие, остались в той руке, в которую были вложены. *Так вы трудитесь, но не для себя.* Впрочем, я и прежде почти не сомневался в этом, а сказанное им лишь подтвердило моё убеждение, назвав точную сумму; поэтому, оставив этот вопрос в стороне, я попросил моего знатного бразильца объяснить, по какой причине мне было приказано явиться к нему. Он тотчас ответил без всяких околичностей.

— Вот в чём дело.

— Уже давно я безумно влюблён в прелести очаровательной М* З***, актрисы театра Порт-Сен-Мартен, но она неизменно отвергала все блестящие предложения, которые я ей делал. Её отказы лишь усилили мою страсть, и я решил овладеть ею любой ценой; я рассчитывал на вашу изобретательность, о которой мне говорили, что она неистощима на всевозможные уловки, чтобы отдать её в мою власть. Наградой вам послужат несколько тысячефранковых банкнот.

Это недвусмысленное и решительное предложение заставило кровь броситься мне в лицо, но я тотчас рассудил, что не имею права оскорбляться, ибо позорная услужливость, которую миллионер встречал в префектуре, в некотором роде позволяла ему думать, что я поспешу предоставить себя в его распоряжение.

— Сударь, — ответил я ему, — мне чрезвычайно жаль, что я не могу заняться вашим делом; если я, как вы говорите, изобретателен на уловки, прошу вас поверить, что это бывает лишь тогда, когда речь идёт о том, чтобы поймать преступников в мои сети или обеспечить безопасность жителей. Всё, что я могу сделать при данных обстоятельствах, чтобы быть вам приятным, — это доложить о нашем разговоре тому, кто направил меня к вам, чтобы он предоставил в ваше распоряжение менее щепетильного агента, который сумеет удовлетворить ваши желания.

Я поклонился ему и удалился.

На следующий день он явился в префектуру жаловаться на мою дерзость и требовать, чтобы меня никогда больше к нему не посылали; поэтому с того времени я не имел никаких отношений с этим человеком, который несколькими годами позднее женился на молодой девушке из знатной семьи. Но вскоре после этого брака молодая женщина была вынуждена расстаться с мужем, чтобы не терпеть его дурного обращения и не быть, так сказать, свидетельницей его разнузданных страстей.

VII

ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ ЛА-ФОРС

Любопытная вещь — воля узника, желающего бежать из своей темницы; особенно удивительно видеть, сколько энергии, осторожности, проницательности и упорства требуется человеку, чтобы одолеть эту массу камней, окружающую его словно саван, эти груды железа, которые в виде цепей, засовов, замков и решёток отделяют его от общества, от солнца, от жизни на открытом воздухе. Но если сердце невольно сочувствует побегу какого-нибудь Латюда, например, который с одним лишь простым гвоздём энергично принимается за толстые стены Бастилии, после многих лет труда успевает подготовить свой побег и, будучи обнаружен, вновь начинает великое дело своего освобождения; совсем иные чувства вызывает известие о побеге опасного вора, грозного убийцы. Все честные люди тогда испытывают страх, ибо свобода бежавшего бандита означает возможность нового преступления, которое повергнет общество в ужас.

3 августа 1843 года пятнадцать заключённых, содержавшихся в тюрьме Ла-Форс по обвинению в более или менее тяжких преступлениях, бежали через подземный ход, который прорыли при помощи ножей и кусков железа из недавно очищенной выгребной ямы. Этот необычайный ход, который все пятнадцать арестантов прокладывали сообща, должен был пройти под дозорной дорожкой тюрьмы и достигнуть банного заведения, выходившего на улицу Кюльтюр-Сент-Катрин; но вместо того чтобы выйти рядом со зданием, подземный ход привёл в небольшую комнату, где был опрокинут калорифер. Таким образом, преступники, рассчитывавшие попасть в сад, встретили там препятствие, которого не предвидели, и лишь упершись спинами, сумели приподнять паркет и наконец выбраться наружу. Этот побег, подготовленный с таким упорством и сохранявшийся в столь замечательной тайне, не должен был завершиться благополучно для всех, кто его предпринял; тревогу поднял человек, работавший в банном

заведении, и большинство беглецов тотчас же были задержаны обитателями соседних домов, хотя и не без опасности для этих отважных граждан, ибо заключённые, увидев, что все их труды пропали даром, а план побега сорван, пришли в ярость и пытались проложить себе путь ударами ножей. Только троим удалось скрыться, и среди них находилась душа всего заговора — Жюль Курто, человек редкой энергии, исключительной силы и беспримерной отваги.

Прошло несколько дней, а полиция так и не обнаружила ни малейшего следа этих беглецов. Однажды утром начальник службы велел меня позвать и сказал, что для сыскной полиции было бы весьма прискорбно, если бы не удалось арестовать хотя бы одного из этих трёх преступников. «Наша репутация была бы погублена, — добавил он (таков был его взгляд на вещи); — поэтому сделайте всё возможное».

Курто долгое время жил на улице Сент-Маргерит-Сен-Антуан, и там его прекрасно знали. Я полагал, что после побега он непременно должен был навестить там кого-нибудь из прежних знакомых; однако рассчитывать получить от местных жителей хотя бы малейшие сведения на этот счёт было нельзя, потому что Курто внушал такой ужас, что никто не захотел бы прямо или косвенно содействовать его аресту из опасения навлечь на себя его месть или месть его товарищей-преступников, которыми в то время кишели меблированные гостиницы на улице Сент-Маргерит.

Я знал одного юношу шестнадцати или семнадцати лет, жившего неподалёку; в разных обстоятельствах он не раз оказывал мне небольшие услуги по полицейской части, причём никто не мог даже заподозрить его сотрудничества со мной. Я велел передать ему, чтобы он пришёл ко мне домой в семь часов утра; он явился в назначенное время и утвердительно ответил, когда я спросил его, знает ли он Курто.

— Хочешь ли ты, — сказал я ему, — оказать мне услугу, которой я не забуду?

— С удовольствием, господин Канлер; что вы хотите, чтобы я сделал?

— Нечто очень простое: как только ты увидишь Курто, незаметно последуй за ним, чтобы узнать, куда он направляется, и тотчас приходи сообщить мне об этом домой, если дело будет ночью; а с восьми часов утра до десяти вечера — в моё бюро. Договорились?

— Можете на меня положиться.

Через три дня, в десять часов вечера, он пришёл в префектуру сообщить мне, что видел, как Курто вышел с улицы Сент-Маргерит в сопровождении двух товарищей, которым показал каталонский нож со словами: «Вот чем я пришью (убью) первого легавого (агента), который вздумает меня сцапать (арестовать)!» Он добавил, что все трое преступников в эту минуту находятся у заставы Монтрёй, в кабачке папаши Мартена. Я решил немедленно воспользоваться этими сведениями и в половине одиннадцатого сел в фиакр вместе с двумя агентами и моим маленьким осведомителем, чтобы отправиться к заставе Монтрёй; но приблизительно посреди одноимённой улицы мы встретили Курто, возвращавшегося от заставы с двумя товарищами. Попытаться арестовать его немедленно было бы безумием, потому что, зная его энергию, я понимал, что нужно застигнуть его врасплох, чтобы он не успел пустить в ход нож; с другой стороны, выйди мы все четверо из экипажа посреди этой пустынной улицы, мы тем самым дали бы ему время убежать в противоположную сторону.

Я тотчас составил свой план, будучи уверен в ловком содействии одного из моих агентов по фамилии Лапорт — молодого, невысокого, полного, проворного человека, наделённого храбростью и умом. Я позволил кучеру ехать дальше и, когда счёл, что экипаж отделился настолько, что Курто уже не слышит стука его колёс по мостовой, приказал кучеру повернуть назад, велел как можно быстрее везти нас к улице Сен-Антуан. Я рассчитывал, что благодаря этой уловке наш вор и не подумает заподозрить, что наш экипаж — тот самый, который только что проехал мимо него.

— Вы, — сказал я своему агенту, — будете держать правую дверцу открытой так, чтобы на ухабах она не ударялась о кузов экипажа; я сделаю то же самое с левой дверцей, и когда мы

поравняемся с нашей добычей, мы бросимся на неё, причём фиакр не должен останавливаться, чтобы мы могли воспользоваться всеми преимуществами внезапности и ошеломления.

Фиакр разворачивается и снова мчится во всю быстроту своих лошадей. Он несётся по мостовой так стремительно, как только способен фиакр; мы приближаемся к предмету нашего преследования: я бросаюсь вперёд, Лапорт следует за мной; толчок при прыжке оказывается настолько сильным, что я словно мяч налетаю на Курто, который, к великому моему счастью, оказывается именно там и не даёт мне разбить голову о стену напротив; Лапорт, едва не переломавший себе руки и ноги, неровными рывками цепляется за нашего вора, и все трое мы катимся в сточную канаву. Пожалуй, ещё никогда арест не производился столь неожиданно и с такой быстротой.

Мы поднимаемся, но каждый из нас крепко держит Курто за руку, и так мы ведём его на пост Монтрёй, в то время как наш фиакр продолжает катить в сторону центра города, а двое товарищей нашего пленника, поражённые и перепуганные, убегают со всех ног.

При Курто нашли тот самый каталонский нож, о котором говорилось выше; на следующий день его доставили в арестантское отделение полицейской префектуры, а оттуда вновь заключили в тюрьму Ла-Форс.

VIII

УБИЙСТВО КАТЕНЯ

3 апреля 1842 года, около пяти часов утра, рабочие-каменоломы и подрядчик земляных работ только что спустились в гипсовый карьер на холмах Шомон, чтобы приступить к работе, когда обнаружили труп мужчины лет пятидесяти, одежда которого, хотя и не отличалась изяществом, свидетельствовала о некотором достатке. Ленточка ордена Почётного легиона, прикреплённая к петлице его сюртука из чёрного сукна, могла бы навести на мысль о несчастном случае или самоубийстве; но лицо и тело, покрытые ранами, нанесёнными острым оружием, ясно доказывали, что здесь произошло убийство. Тело доставили в морг, и вскоре в нём опознали некоего Катеня, кучера, служившего у господина Жюлиана, владельца предприятия по найму кабриолетов на улице Сен-Доминик-Сен-Жермен.

У Катеня была двадцатилетняя дочь, занимавшаяся обшивкой башмаков и жившая на улице Сен-Мерри; она знала, что её отец заложил в ломбарде на улице Дофен золотую цепочку и ключ и постоянно носил в бумажнике залоговую квитанцию. Как только она узнала о смерти отца, ей хватило редкого присутствия духа немедленно побежать к комиссионеру, заведовавшему этой ссудной конторой, и попросить задержать человека, который явится с указанной квитанцией.

Полиция предприняла бесплодные поиски, пытаясь обнаружить виновника или виновников этого преступления. Не было ни одной улики, ни одного сведения, которое могло бы послужить путеводной нитью в этом тёмном деле, когда некто Моллер, жестяник русского происхождения, широкоплечий и туго соображавший человек, явился в ломбард на улице Дофен, чтобы выкупить заложенные вещи. Он изъяснялся с величайшим трудом, и требовалась большая снисходительность, чтобы различить французскую речь в его тарабарщине.

В соответствии с пожеланием, высказанным дочерью жертвы, предъявителя квитанции попросили подождать и послали за комиссаром полиции квартала Тюильри, который и произвёл его арест.

Моллер заявил, что накануне, в девять часов вечера, эту квитанцию продали ему за два франка двадцать пять сантимов трое незнакомых ему людей, сидевших за одним столом с ним в кабачке «Пти-Рампоне» в Куртиле. Доставленный в префектуру, он провёл там ночь, а на следующий день в полдень его передали мне, чтобы он помог в поисках и, если удастся, указал людей, продавших ему квитанцию. Итак, я отправился вместе с этим человеком и тремя агентами обходить все кабачки Куртиля. Проходя через Гревскую площадь, я увидел проститутку

самого низкого пошиба, завсегдатая застав и при случае воровку, которую комиссар полиции Бельвиля отправлял под стражей в префектуру по обвинению в побоях.

Прибыв в Куртиль, я обошёл все кабаки, но безрезультатно. Около семи часов вечера агенты и Моллер, ходившие без передышки с полудня, выразили желание немного отдохнуть и поесть; для этого мы вошли в кабачок, где я заказал традиционный кусок телятины и вековечный салат, какие подают во всех увеселительных кабачках у застав. В ожидании еды я, чтобы не терять времени, задал своему осведомителю несколько вопросов, среди которых был и следующий:

— Не видели ли вы вместе с людьми, продавшими вам квитанцию, одну или нескольких женщин?

— Видел, — отвечал он на своём почти непонятном жаргоне, — я видел ту, которую сегодня утром вела стража и которую мы встретили на Гревской площади.

Я мягко упрекнул его за то, что он не сообщил мне об этом обстоятельстве раньше, и, оставив моего русского и агентов поглощать свой обед, взял кабриолет и со всей поспешностью отправился в префектуру, где велел привести ко мне упомянутую женщину.

Её звали Аннетт Ленуар, и она казалась очень огорчённой своим арестом; поэтому отвечала мне без малейших затруднений.

— Не были ли вы, — спросил я её, — в субботу вечером в Куртиле, в кабачке «Пти-Рампоне»?

— Да, сударь.

— С кем вы там были?

— С тремя мужчинами, имён которых я не знаю, за исключением одного, которого прозвали Деликат.

— Опишите мне как можно точнее приметы Деликата и его товарищей.

Она ответила на мой вопрос.

— Теперь скажите мне, не видели ли вы, чтобы кто-нибудь из этих людей продавал квитанции ломбарда?

— Продавал? Нет, сударь; но я видела, как Деликат держал их в руках и показывал товарищам. У него был также большой лист цветной бумаги с печатью; я подумала, что это увольнительное свидетельство, потому что тот, кто его разглядывал, сказал: «По крайней мере, с этим всё в порядке».

Я расстался с Ленуар, обещав добиться её освобождения, если только сведения, которые она мне сообщила, окажутся правдивыми. Я вернулся в Бельвиль, чтобы продолжить осмотр кабаков и меблированных ночежек возле заставы. В полночь я добрался до пассажа Филибер, вошёл в меблированную гостиницу, содержащуюся папашей Жозефом, и спросил его, не живёт ли у него человек, приметы которого я назвал и которого товарищи зовут Деликатом.

— Кажется, вы обратились по адресу, — ответил он; — здесь живёт парень, носящий это прозвище, только он ещё не вернулся.

— Разве у него нет здесь товарищей?

— Есть, у него имеется близкий приятель по прозвищу Большой Шарль, которого сейчас тоже нет.

Я попросил описать мне приметы последнего; они довольно близко совпадали с теми, которые назвала Ленуар. Я тотчас разместил двух агентов внутри меблированной гостиницы, приказав не спускать глаз с хозяина, поскольку опасался с его стороны неосторожной откровенности, которая вовсе не была бы необычной и вполне соответствовала привычкам хозяев ночежек, *расположенных к вора*. Третьего агента я оставил при себе, и мы стали наблюдать за подступами к дому; однако оба человека так и не вернулись за всю ночь. В девять часов утра появился Большой Шарль, и его арестовали; в тот же день был арестован и Деликат.

Следствие установило, что Большого Шарля звали Жозеф Миро; ему было двадцать девять лет, и он работал шорником. Деликата звали Виктор Валле; он родился в Сансе, ему было двадцать четыре года, и он работал портовым грузчиком. Оба преступника были приговорены к смертной казни; первого казнили, второму заменили её пожизненными каторжными работами. Что касается третьего сообщника, Эдуара Вильтара, более предусмотрительного, чем двое его товарищей, то уже на следующий день после преступления он поступил в госпиталь Миди, надеясь таким способом обеспечить себе спасительное алиби; но, несмотря на это, его приговорили к двадцати годам каторжных работ.

Все трое негодяев принадлежали к той бесчестной среде, довольно верный образец которой Эжен Сю представил нам в своих *«Парижских тайнах»*.

IX

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ

После волнений и беспорядков, вызванных революцией 1830 года, одна дама, сын которой содержался за кражу при отягчающих обстоятельствах в центральной тюрьме, далеко от Парижа, явилась в сыскное отделение полиции и сообщила, где скрываются несколько человек, замешанных в заговоре против государственной безопасности. Когда их задержали, доносица потребовала в награду за свои услуги, чтобы её сына перевели из центральной тюрьмы в тюрьму Сент-Пелажи. Её просьбу удовлетворили, и вскоре Жозефу сократили срок наказания на один год; едва выйдя на свободу, он сошёлся с девицей Адриенной, жившей доходами от своего разврата. Адриенна попросила у префектуры полиции разрешения открыть публичный дом, но ей отказали, поскольку она жила с ранее судимым вором. Тогда Жозеф решил, что, если он женится на своей любовнице, у полиции больше не будет причин отказывать в этом разрешении; он женился, и его супруга тотчас повторила свою просьбу, которая на сей раз была удовлетворена, словно муж уже не был тем самым человеком, каким он оставался, будучи любовником. После нескольких лет занятий своим грязным промыслом они скопили, уж не знаю каким образом, значительную сумму, продали своё заведение и поселились примерно в двадцати лье от столицы, в красивом загородном доме. Вскоре Жозеф стал церковным старостой своего прихода и принялся разыгрывать в деревне роль помещика; его благородная супруга по воскресеньям собирала пожертвования в церкви, у них были слуги и служанки, лошади и экипаж, а крестьяне, не знавшие происхождения их состояния, оказывали им такое же почтение, как своему кюре. Однажды я встретил их на бульварах, и Жозеф, подойдя ко мне, среди прочего сказал, что надеется вскоре стать мэром своей коммуны. — А почему бы вам, — возразил я, — не стать заодно кавалером ордена Почётного легиона? Затем я повернулся к нему спиной и пожал плечами в знак жалости.

X

ОГРАБЛЕННЫЙ НОЧЬЮ ЧАСОВЩИК

Самое обыкновенное происшествие всегда имеет причину. Чтобы её обнаружить, нельзя пренебрегать мелкими подробностями, предшествовавшими случившемуся; следует разбирать вероятные побуждения и возможные последствия, чтобы путём обоснованного умозаключения прийти к истине. Именно благодаря применению этого способа мне удалось передать в руки правосудия множество преступников, в том числе и в следующем деле.

Однажды ночью в лавке некоего господина С***, часовщика с улицы Сен-Дени, была совершена кража со взломом. Воры, проникнув в проход дома, вошли в лавку через дверь, выходящую в этот проход. Они похитили некоторое количество золотых и серебряных часов, висевших на перекладинах витрины, а затем удалились, оставив на месте своих подвигов *ломик* с деревянной рукояткой, которым взломали дверь, и огарок свечи, завёрнутый в клочок бумаги величиной с половину ладони.

Господин С*** заметил, что его обокрали, лишь утром, когда спустился в своё заведение, а я узнал об этой дерзкой краже только в десять часов. Я тотчас отправился с одним аген-

том в часовую лавку, чтобы собрать хоть какие-нибудь признаки, которые могли бы помочь мне напасть на след воров; однако никаких следов не было, никто их не видел, и, кроме двух предметов, о которых я только что упомянул, в лавке не осталось ничего, что могло бы облегчить поиски. Не получив никаких сведений, я решил навестить комиссара полиции квартала у ворот Сен-Дени, который, поскольку ему было поручено составить протокол, возможно, располагал более точными данными; но этот чиновник сказал мне, что пока ничего поделать нельзя и лучше всего сидеть спокойно, так как любые действия приведут лишь к потере времени и напрасной усталости. Затем разговор перешёл на другие предметы, и, беседуя о том о сём, я машинально взял клочок бумаги, не длиннее трёх пальцев, которым была обёрнута упомянутая свеча. Вдруг меня словно озарило солнечным лучом; я только что прочёл, наполовину скрытые под грязью, оставленной на бумаге пальцами, следующие четыре слова:

Два фунта сливочного масла,

написанные почти неразборчиво и к тому же столь бледными чернилами, что разобрать их было ещё труднее.

— Чёрт возьми! — воскликнул я, — вот уж поразительная удача! Надо, чтобы я разыскал человека, написавшего эти несколько слов, и, когда я его найду, быть может, обнаружу и моих воров.

— Дорогой мой, — ответил, смеясь, комиссар, — мне не раз доводилось слышать, как строят воздушные замки, но ни один до сих пор не казался мне таким неправдоподобным и, я бы даже сказал, почти невозможным, как ваш!

— Возможно! Возможно! Кто знает, не удастся ли мне добиться успеха? Но для этого вам нужно одолжить мне этот клочок бумаги.

— С удовольствием; только предупреждаю вас, что к четырём часам я намерен закончить протокол и отправить все эти материалы дела в префектуру.

— Хорошо, я потороплюсь.

— Ступайте, желаю мужества и удачи!

И я отправился в путь в сопровождении моего агента, захватив с собой маленький клочок бумаги.

Я нанял кабриолет и безуспешно обошёл всех торговцев маслом в Центральных рынках, на рынках Сен-Жермен, Сен-Оноре, Сен-Жозеф и так далее... Разочарованный, я уже возвращался в контору комиссара полиции, когда, проходя по улице Обри-ле-Буше, заметил торговца маслом, которому показал свой клочок бумаги, повторив обычный вопрос. Повертев бумагу так и этак, торговец сказал мне: «Да ведь это я написал эти слова, только не знаю, кому они предназначались; должно быть, это этикетка, которую я прикрепил к двум фунтам масла, проданного какому-нибудь прохожему или постоянному покупателю». При таком ответе я словно упал с седьмого неба на землю и ушёл.

Одно из двух, сказал я себе: либо кража была совершена в начале ночи, то есть *около часа утра*, либо мои плуты дождались более позднего часа, но последнее предположение недопустимо, потому что позднее по улице Сен-Дени беспрестанно идут телеги, направляющиеся на рынок, и рабочие, спешащие на работу. Следовательно, кража произошла около часа утра. Если это так, воры, чтобы не возбудить подозрений людей, живущих с ними в одном доме, не вернулись спать; они провели вечер у какого-нибудь виноторговца, в какой-нибудь притонной харчевне, например в Куртиле, и это прекрасно объясняло бы, почему, спускаясь по предместью Тамплъ для совершения кражи, они купили свечу именно в этом предместье. Размышляя таким образом об обстоятельствах, которые должны были предшествовать краже, я вошёл на улицу Фобур-дю-Тамплъ и стал переходить от одной бакалейной лавки к другой, спрашивая у каждого торговца, не узнаёт ли он мой клочок бумаги; таков был фонарь, с которым Диоген

искал человека. Наконец я добрался до дома № 62, близ казарм Куртиля, и, к великому моему удовлетворению, мой собеседник ответил на вопрос:

— Совершенно верно, сударь, вчера вечером, около половины двенадцатого, я продал свечку за одно су, завернутую в ту бумагу, которую вы мне показываете, двум молодым людям, живущим в соседнем доме.

— А чем они занимаются?

— Ах, сударь! Они кротки, точно ягнята! Оба коммивояжёры, но сейчас остались без места. Они занимаются контрабандной торговлей кружевами с Бельгией, зато ведут себя чинно, как две настоящие девицы, вот что! Ни с кем не видятся, не водятся ни с какой дурной компанией, никогда не кутят, никогда не ссорятся...

Я поблагодарил бакалейщика за сведения, сказав ему, что меня интересуют вовсе не эти молодые люди, и удалился. Но, опасаясь, как бы он не предупредил воров или своей болтовнёй невольно не поднял тревогу, я послал своего агента за одним из товарищей по службе. Тем временем я разговорил соседей и добыл приметы обоих преступников. Когда прибыли инспекторы, я поставил их наблюдать за домом, приказав арестовать воров, если они выйдут; а на следующий день, в четыре часа утра, явился к ним и арестовал обоих прямо в постели. В их комнате не было видно ничего подозрительного: я велел уведомить комиссара, произвели обыск, который не дал никаких результатов; я уже начинал опасаться не того, что ошибся, а того, что пришёл слишком поздно и часы успели исчезнуть. В комнате было окно, выходившее во двор дома, и я открыл его, чтобы впустить воздух. Выглянув, я заметил слесарную мастерскую. Чёрт возьми, сказал я себе, вовсе не было бы удивительно, если бы именно этот слесарь изготовил ломик, не зная, для чего он предназначен; и, схватив принесённое орудие, я спустился в кузницу, где спросил хозяина, не из его ли мастерской оно вышло.

— Нет, сударь, — ответил он мне, — но это я насадил его на рукоятку для одного из молодых людей, у которых вы сейчас находитесь. Он сказал мне, что пользуется им, чтобы передвигать тюки с товарами.

Теперь уже не могло быть сомнений: это и были воры. Поэтому я поспешил подняться наверх, и обыск возобновился с ещё большим усердием. Матрасы распороли, соломенный тюфяк опорожнили, стены простукали, плитки пола сняли с места, камин и шкафы осмотрели во всех углах. Мы были в отчаянии; мы ничего не находили. Наконец, после трёх четвертей часа бесплодных поисков, мы решили уйти. Но на следующий день в их комнате произвели новый обыск. Осматривая потолок, заметили, что над кроватью есть почти неуловимое отличие оттенка, выделявшееся пятном на общей белизне; кто-то встал на кровать и сильным ударом кулака пробил в этом месте отверстие, из которого вперемишку посыпались на покрывало золотые и серебряные часы, с цилиндровым и анкерным ходом, но все украденные у господина С***. Чтобы спрятать эти вещи, наши двое воров проделали в потолке дыру, затем закрыли её плотной бумагой, покрытой слоем клеевой краски, которая казалась несколько темнее лишь потому, что ещё не успела как следует высохнуть.

Некоторое время спустя оба преступника предстали перед судом присяжных и были приговорены к десяти годам каторжных работ.

И всё же от чего зависел успех этого дела? От клочка бумаги, на который никто не обращал никакого внимания!

XI

УБИЙСТВО СЕШЕПИНА

Утром 11 июня 1843 года гулявшие в Венсенском лесу люди обнаружили неподалёку от аллеи, называемой Бель-Этуаль, обнажённый труп мужчины, недавно и небрежно зарытый в чаще кустарника. В шести метрах оттуда большая лужа крови, которую пытались скрыть несколькими горстями песка и травы, свидетельствовала о том, что это место было арендой пре-

ступления. Наконец, поблизости нашли окровавленные одежду и молоток, несомненно брошенные убийцей.

Многочисленные раны, покрывавшие тело, и переломы костей черепа указывали, что главным орудием преступления был молоток. Карманы одежды обыскали, но нашли в них только небольшую записку со словами: *«Чтобы вытянуть хороший номер; нужно прочитать три „Отче наш“ и три „Аве Мария“»*. Тело убитого отвезли в морг.

Агента Балестрино послали на место для проведения расследования, но, не сумев добыть никаких сведений, способных вывести на след виновного, он ограничился рапортом об отрицательном результате своего поручения.

Я не понимал равнодушия этого агента, ибо всегда полагал, что при расследовании убийства полиция никогда не должна прекращать поисков.

Я доложил начальнику службы об этих обстоятельствах и спросил его, считает ли он, что для раскрытия преступника следует полагаться на какую-нибудь более или менее отдалённую случайность?

— Конечно, нет, — ответил он, — всегда должно оставаться что-нибудь, что можно предпринять.

— Так вот, хотите, чтобы я занялся этим делом?

— Да; займитесь исключительно этим делом.

Было одиннадцать часов утра, я взял двух агентов и отправился в путь, давая волю своим размышлениям: жертва была молода, никаких бумаг, удостоверявших её личность, не имелось, но найденная в кармане записка заставляла меня предполагать, что этот несчастный мог быть причастен к какому-нибудь делу о военном замеществе или, по крайней мере, принадлежать к одному из призывных наборов молодых солдат. Я подумал, что, быть может, он попал под удары каких-нибудь негодяев, завсегдатаев подобных заведений, выходя из одного из публичных домов на Кур-де-Венсен, расположенных вблизи места преступления. Располагая приметами жертвы, я обошёл все дома терпимости в окрестностях заставы Трон и расспрашивал, не видели ли там молодого человека, подходящего под моё описание. Все ответы были отрицательными. Тогда я послал за двумя наёмными экипажами, посадил в них хозяек и служанок этих домов и отвёз их в морг, но ни одна из женщин не узнала тело. Тем временем вошёл молодой человек и сообщил мне, что труп принадлежит одному из его земляков по фамилии Сешепин. Воспользовавшись этим драгоценным сведением, я немедленно велел произвести розыск этого имени в бюро учёта меблированных гостиниц, где нашли запись: *Сешепин, двадцати четырёх лет, слуга, уроженец департамента Мёрт, прибыл 10-го числа на улицу Фелиппо, дом № 33*.

Я отправился по этому адресу и спросил хозяйку, живёт ли у неё ещё Сешепин?

— Нет, сударь, — ответила она мне; — он поселился в субботу вечером, а ушёл в воскресенье в девять часов утра.

— Простите, сударыня, — возразил я, — вы, должно быть, ошибаетесь, потому что Сешепин никак не мог уйти отсюда в воскресенье в девять часов утра, и на то есть причина, прошу вас припомнить получше.

Я мог утверждать это с полной уверенностью: труп нашли в семь часов утра, то есть двумя часами раньше предполагаемого ухода Сешепина.

— Сударь, уверяю вас, что я не ошибаюсь.

И, чтобы доказать мне это, она позвала дочь и сказала ей:

— Подойди-ка и уточни, в какой день и в котором часу этот господин, чьего имени я тебе не назвала, покинул гостиницу?

— Но, мама, ты ведь знаешь, что в воскресенье в девять часов утра.

Это второе подтверждение показалось мне весьма странным, и я снова спросил:

— За то короткое время, что Сешепин прожил у вас, не говорил ли он вам ни об одном из своих знакомых?

— Нет, сударь, только он сказал мне, что мой дом ему указал некий Друэн, заместитель призывника в артиллерийском полку, который давным-давно у меня жил.

— Когда этот военный жил в вашем доме, встречался ли он с кем-нибудь, принимал ли посетителей?

— Я видела только господина Бутена, который живёт в пассаже де ла Мармит и у которого, по словам Сешепина, он работал.

Я отправился к господину Бутену и спросил, не работал ли Сешепин в его мастерской.

— Я никогда, — сказал он мне, — не слышал этой фамилии.

— Знаком ли вам артиллерист Друэн?

— Этого я прекрасно знаю, сейчас он, должно быть, в Венсене.

Затем, припомнив кое-что, он добавил:

— Некоторое время у меня работал молодой человек, прежде участвовавший в постройке лодок в Жуаньи.

— Как его зовут?

— Не помню, но он оставил в одном из своих жилетов незапечатанное письмо, которое хотел отправить отцу.

— Нельзя ли мне его посмотреть?

— Разумеется...

Письмо было подписано фамилией Сальмон.

До сих пор убеждённый, что трое опрошенных мною лиц ошибались и что Сальмон был не кто иной, как Сешепин, я попросил одного из рабочих господина Бутена сопровождать меня в морг; однако этот человек не признал в трупe своего прежнего товарища. Я послал одного из моих инспекторов в меблированную гостиницу на улице Фелиппо за хозяйкой, которая подтвердила слова рабочего, заявив, что не узнаёт ни лица, ни одежды выставленного тела и что ничто из показанного ей не имеет отношения к человеку, ночевавшему у неё с субботы на воскресенье; она описала его приметы, и они совпали с теми, что назвал господин Бутен. Тогда я заключил, что человек, ночевавший на улице Фелиппо, должен был быть Сальмоном и что он завладел бумагами Сешепина, убив его, в надежде таким образом скрыть личность виновного под именем жертвы.

Я уже собирался выйти из морга, когда ко мне подошёл молодой человек и сказал, что только что узнал в трупe некоего Сешепина.

— Мы, — сказал он мне, — родились в одной деревне и жили вместе на улице Блан-Манто, дом № 1. В прошлую субботу он оставил меня, чтобы поискать место слуги в конторе по найму прислуги на улице Гренета, дом № 1; и с тех пор я его не видел, пока, к несчастью, не нашёл здесь.

Это сведение позволяло мне надеяться, что наконец удастся напасть на след разыскиваемого злодея. Я послал агентов устроить наблюдение за меблированной гостиницей на улице Фелиппо и за пассажем де ла Мармит, чтобы арестовать Сальмона, если он там появится. Затем я поспешил к содержателю конторы по найму прислуги на улице Гренета и узнал там, что Сешепин действительно приходил в субботу искать место, но его увёл некий Сальмон, утверждавший, что может устроить его в Ножане к хозяину, у которого служил сам. Я узнал также, что Сальмон и его жертва отправились лишь с наступлением темноты. Вот, следовательно, что произошло. Сальмон взял с собой молоток, найденный на месте преступления. Достигнув Венсенского леса, он воспользовался безлюдьем и ночной темнотой, чтобы нанести своему спутнику удары молотком; а поскольку тот ещё дышал, добил его ножом, после чего вырыл молотком яму, оказавшуюся недостаточно глубокой, чтобы скрыть труп. Он снял с убитого всю одежду и прикрыл тело травой, песком и листьями.

Установив наблюдение, я отправился в сопровождении двух агентов в Венсенский форт, чтобы арестовать артиллериста Друэна, которого в то время подозревал в сообщничестве с Сальмоном. Но адъютант-майор, к которому я обратился, предпринял безуспешные поиски и заявил мне, что этот артиллерист, совершенно неизвестный в Венсене, вероятно, размещён в казармах Военной школы. Вследствие этого я приказал двум агентам немедленно отправиться в эти казармы для ареста Друэна, а сам вернулся в Париж. Ход расследования привёл меня затем к меблированной гостинице на улице Фелиппо. Агенты, находившиеся там в засаде, сообщили, что Сальмон не появлялся. Оттуда я отправился к госпоже Бутен, которая сказала, что Сальмон приезжал в кабриолете просить у неё взаймы пятнадцать франков, она отказала ему, и он уехал в своём экипаже. Между тем агенты, которым было поручено наблюдать за пассажем, оставили свой пост, чтобы подкрепиться вместе с товарищами, находившимися на улице Фелиппо. Я принялся расспрашивать привратника пассажа, надеясь получить от него кое-какие сведения; но хуже собеседника мне нельзя было и найти. Сколько я ни допытывался, он не мог сообщить ни цвет кабриолета, ни его номер, ни масть лошади; он даже не знал, был ли это наёмный кабриолет со стоянки или заказной, и на каждый вопрос неизменно отвечал: «Не знаю, сударь; не заметил; не обратил внимания; не помню».

— Но всё-таки, — спросил я его, — кучер сходил со своего экипажа?

— Ах!.. да... припоминаю... Он, кажется, был очень сердит.

— Он с вами разговаривал?

— Нет, сударь; но когда он раскурил трубку, я услышал, как он бормотал сквозь зубы:

«Ну и скотина же! Он нанял меня сегодня утром у заставы Гренель; задолжал мне пятнадцать франков; а после того как заставил меня разъезжать целый день, у него нет ни гроша, чтобы расплатиться!»

Это указание стало для меня лучом света. Было девять часов вечера; я вернулся в префектуру, взял там четырёх агентов, и мы отправились в Гренель; там, переходя из кабачка в кабачок, мы до самого закрытия заведений вели столь же тщательные, сколь и бесплодные поиски. Около половины двенадцатого, когда я, огорчённый неудачей своего предприятия, уже собирался возвращаться в Париж, я заметил вдали жандарма этой коммуны, который, закончив обход, шёл домой. При виде его меня осенила счастливая мысль. Я бросился к нему и, назвав себя, спросил, не слышал ли он о ссоре, которая могла произойти у заставы между каким-нибудь человеком и кучером кабриолета, которому первый задолжал некоторую сумму за дневную поездку.

— Да, — ответил он мне, — сейчас на посту у заставы находится человек, которого кучер велел задержать за то, что он заставил отвезти себя в Париж и привезти обратно, не заплатив.

Пять минут спустя я представился дежурному офицеру на посту, и ко мне привели арестованного, которого подняли из караульной камеры, где он успел заснуть.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Сешепин, — уверенным голосом ответил он.

— Где ваши бумаги?

— Я их потерял.

— Вы лжёте!.. И, глядя ему прямо в лицо, я добавил, подчёркивая каждое слово: Вы убийца Сешепина!

Даже самый искусный наблюдатель не заметил бы ни малейшей перемены на его лице. Он всё же хотел возразить, но я прервал его, сказав: Я докажу вам, что хорошо осведомлён. Выйдя из конторы по найму прислуги на улице Гренета, дом № 1, мы отправились в Венсенский лес, где убили Сешепина; и, похитив его бумаги, направились в меблированную гостиницу на улице Фелиппо, дом № 33, где записались под именем своей жертвы. Вы работали у господина Бутена в пассаже де ла Мармит; вы были арестованы в Жуаньи за кражу тысячи франков, совершённую

со взломом; вы бежали из рук жандармов; и, поскольку вам во что бы то ни стало нужны были бумаги, чтобы скрыть свою личность, вы завладели бумагами несчастного, которого убили!

— Всё, что вы говорите, правда, за исключением убийства Сешепина, которого я не знаю и никогда не видел. Что же до бумаг, которые я предъявил квартирной хозяйке, то я нашёл их на улице.

Я приказал моим агентам раздеть его. Рубашка, которая была на нём, имела на груди и спине большие пятна крови; на ней стояли начальные буквы имени Сешепина: это была та самая рубашка, которую убийца снял со своей жертвы.

— Откуда эти пятна крови? — спросил я его.

— У меня шла кровь из носа.

— Каким же образом кровь из носа могла так испачкать вашу рубашку сзади? Объяснитесь.

— Не знаю, но кровь всё равно из носа.

— Откуда у вас эти два белых носовых платка и этот жилет, которые, как и рубашка, испачканы кровью?

— Я купил их за двадцать су у человека, проходившего по улице.

Я велел Сальмону одеться и в полночь отвёз его в наёмном экипаже в префектуру полиции. Во время дороги он крепко заснул. Префект, извещённый об этом аресте, приказал мне немедленно вернуться в Гренель, чтобы комиссар полиции составил протокол об изъятии окровавленной одежды. Я отправился за Сальмоном в арестантское отделение, где тот снова заснул. В экипаже он опять спал; спал он и пока комиссар полиции составлял протокол.

Вернувшись в Париж, он едва успел вновь оказаться в арестантском отделении, как снова заснул. На следующий день он признался в преступлении и рассказал обо всех обстоятельствах этого ужасного убийства.

Мне нечего было бы прибавить к сказанному, если бы я не должен был отметить одну особенность, решившую судьбу несчастного Сешепина, ибо первоначально смерть предназначалась другому. Сальмон явился к содержателю конторы по найму прислуги на улице Грэнета, представившись слугой господина К*** из Ножана, которого хозяин будто бы отправил за новым работником. Между тем накануне преступления он договорился с молодым парикмахером, жившим на улице Попенкур, что на следующий день тот явится в три часа пополудни в контору с исправными бумагами, а Сальмон зайдёт за ним и отведёт к своему хозяину. Когда молодой парикмахер не явился к условленному часу, Сальмон выказал крайнее неудовольствие, уверяя, что его хозяин будет очень недоволен такой задержкой. Тогда-то он и предложил Сешепину, также пришедшему искать место, отправиться с ним в Ножан. Предложение было принято с готовностью, и известно, чем всё закончилось.

Сальмон был смугл, мал ростом, но очень крепкого сложения; глубоко посаженные глаза ещё усиливали суровость его и без того свирепого взгляда. Казалось, он был совершенно лишён разума, и в нём одни лишь звериные инстинкты достигли полного развития. На эшафоте он сохранил то же бесстрашие, какое проявил при аресте и осуждении. Этот человек, который, находясь в руках правосудия под тяжестью обвинения, грозившего ему смертной казнью, не находил в себе достаточно энергии или инстинкта самосохранения, чтобы бодрствовать, быть может, единственный, кому хватило *дикости* надеть на собственное тело рубашку, пропитанную ещё тёплой кровью несчастного, которого он только что зарезал. Не думаю, чтобы существовал другой пример подобного убийства, поскольку оно было совершено как самое обыкновенное житейское действие, без всякой страсти. И ради чего? Чтобы завладеть рабочей книжкой!

XII

МОШЕННИК

Господин Д***, честный земледелец из Турени, вдовствовавший уже несколько лет, имел двоих детей: пятнадцатилетнюю дочь и восемнадцатилетнего сына; дочь ведала домашним хозяйством, сын учился в коллеже, откуда отец собирался забрать его в двадцать лет, чтобы женить и поручить ему управление домом и владениями. К несчастью, товарищами Даниеля по коллежу были юноши из состоятельных семейств, привившие ему пристрастие к роскоши, удовлетворять которое его положение не позволяло, и под разными предложениями он всё откладывал время женитьбы. Наконец, он заболел, и врач заявил отцу, что причиной болезни сына была тоска и что для развлечения его следовало отправить путешествовать. Даниель посетил несколько больших городов, где разыгрывал роль знатного господина. Вскоре его средства истощились, и, чтобы раздобыть денег, он прибегнул к различным уловкам; однако, когда обман открылся, он бежал и укрылся в Париже, где надеялся найти тем больше возможностей для своего ремесла, что никто там его не знал, а сам он был умён, изворотлив, хитёр, убедителен и дерзок. Нетрудно понять, как далеко можно зайти с такими качествами, особенно среди населения самого цивилизованного, самого умного, самого доверчивого и именно поэтому самого лёгкого для обмана. Первой его целью стала Биржа, где ему не составило труда завести друзей, и мало-помалу он настолько завоевал дружбу и доверие одного богатого человека, что вскоре женился на одной из его родственниц. Женившись и получив приданое, он сбросил маску, зажил на широкую ногу и стал играть по-крупному на Бирже, где проиграл значительные суммы; тогда, чтобы раздобыть денег, он обратился к мошенническим приёмам, переименовал фамилию и, совершив множество афер, бежал и был заочно приговорён к тюремному заключению, но скрывался так, что арестовать его не удалось. О нём уже давно перестали думать, когда вдруг узнали, что он вернулся в Париж; его тотчас схватили, однако привлечь его к суду не смогли, поскольку со дня вынесения приговора прошло более трёх лет и, следовательно, он получил право воспользоваться истечением срока давности. Все эти обстоятельства прошли без огласки и, можно сказать, почти втайне благодаря перемене им фамилии, и вскоре при содействии своих покровителей он был поставлен во главе крупной промышленной компании, где, как и в свете, пользовался репутацией человека безупречной честности.

ХІІІ

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ РЫБКА

Помоги себе сам, и небо тебе поможет!

Это старинное изречение, восходящее ко временам апостолов, должно применяться в полицейском деле чаще, чем где бы то ни было.

Находясь в обязанности разыскивать преступников, вынужденный разоблачать уловки злоумышленников, главная забота которых состоит в изобретении способов обмануть всякий надзор, принуждённый нередко действовать наудачу, почти ошупью, без достоверных данных, без сведений, без указаний, полицейский агент должен помогать себе сам часто, даже всегда, и счастлив он, когда небо откликается на его призыв.

Я узнал, что у Пажо, содержателя меблированной гостиницы, где жили Ласенер, Франсуа и столько других преступников, уже некоторое время проживал ловкий профессиональный вор, опасный взломщик по имени С***, который совершал кражи при помощи поддельных ключей вместе с некими Л***, освобождённым каторжником, Г*** и девицей Анжеликой, сожительницей Л***.

Именно по воскресеньям, в тот час, когда рантье, торговцы и служащие покидают свои дома, чтобы подышать загородным воздухом или смешаться с густой толпой, заполняющей места прогулок, С*** и его достойные сообщники, подобно трудолюбивым пчёлам, выходили из своего убежища за добычей, иногда полагаясь на случай, но зачастую действуя наверняка.

Я знал адрес С***, но не знал, где живут его сообщники; поэтому я поручил четырём агентам следить за передвижениями нашего вора и, если представится случай, задержать его с поличным.

— Сегодня воскресенье, — сказал я им, — С***, вероятно, воспользуется этим, чтобы совершить какое-нибудь новое злодеяние, вы должны идти за ним так, чтобы он вас не заметил, и, быть может, вам удастся одним ударом сети накрыть всю шайку. — И, обращаясь к одному из агентов, по прозвищу Маленький Пожарный, я продолжил: — Вы будете руководить слежкой; я возлагаю на вас ответственность за успех.

— Вам легко говорить, господин Канлер, — ответил агент, — но мы не знаем С***, а этот малый наверняка настороже; стоит нам только высунуть нос, как он нас увидит, и тогда прощай вся операция.

— Какое у нас сегодня число? — спросил я, немного подумав.

— Первое апреля.

— Так вот, нужно воспользоваться именно этим обстоятельством и, благодаря довольно распространённому обычаю *первоапрельских розыгрышей*, сыграть шутку с вашим вором.

— Каким образом?

— Очень просто: пошлите к нему посыльного сказать, что его друг Шарль ждёт его у виноторговца на углу улицы Сен-Мор и предместья, чтобы вместе съесть по отбивной. По всей вероятности, С*** придёт посмотреть, что это за приятель, и тогда вы без труда сможете узнать его в лицо. Ступайте.

Следуя этому плану, агенты отправили посыльного к нашему *взломищику*, и тот поспешил спуститься в одной рубашке к виноторговцу и спросил его:

— Ну так где же этот друг, который приглашает меня позавтракать?

— Какой друг? — спросил торговец.

— Почём я знаю! Ко мне только что приходил посыльный и сказал, что мой друг Шарль ждёт меня в угловом *манзенге* (винной лавке), чтобы распить бутылочку и съесть по отбивной.

— Ха-ха! — засмеялся кабатчик, — вы что же, забыли, что сегодня первое апреля? Вас только что заставили проглотить первоапрельскую рыбку.

— И впрямь так, — в том же тоне отозвался С***; — можно сказать, что я заглотил её целиком! Надолго запомню. Затем он поднялся к себе в меблированную гостиницу, которую покинул лишь в одиннадцать часов утра, направившись прямо на улицу Сен-Дени, дом № 140.

Агенты, следовавшие за ним поодаль, расположились в соседних проходах, чтобы дожидаться его выхода. После двух часов ожидания они увидели, как он снова появился в сопровождении трёх лиц, указанных им как его сообщники. На одном из мужчин были блуза и фуражка, другой, как и С***, носил короткий сюртук и фуражку, а у девицы Анжелики под мышкой была хозяйственная сумка. Все четверо направились к Новому мосту, перешли его и уселись на ступенях Монетного двора, чтобы посоветоваться. Тайный совет продолжался полчаса; агенты, полуприсев за парапетом моста, не спускали с них глаз и внимательно следили за малейшими их движениями. Наконец отряд снова двинулся в путь; дойдя до дома № 43 на улице Сен-Пер, трое мужчин поднялись внутрь, тогда как девица Анжелика осталась напротив, на тротуаре, сторожить. Агенты, расположившиеся в разных домах, прождали сорок минут; затем они увидели, как их воры, вошедшие в дом в блузе, коротких сюртуках и фуражках, вышли оттуда уже в длинных сюртуках и шляпах и вдобавок с громадными свёртками. Девица Анжелика присоединилась к ним, и все четверо направились к набережной Малаке. Едва они туда добрались, агенты набросились на них и попытались завладеть ими, однако противники оказались не из лёгких: мужчины, которых впереди ожидал не пеньковый галстук, как говорили прежде, а приговор к каторжным работам, защищались как львы, пуская в ход против нападавших всё, что попадалось под руку. Одному из агентов, который, сцепившись с С***, катался с ним по земле, пришлось выхватить пистолет и пригрозить разmozжить ему голову, чтобы его усмирить.

В то время как происходила эта отчаянная схватка, префект полиции господин Делессер, по своему обыкновению объезжавший столицу верхом, проезжал по набережной и мог

собственными глазами убедиться, с каким рвением и самоотверженностью его агенты исполняли свой долг.

Вскоре подросла стража с поста на улице Сен-Пер: полицейских агентов и воров подняли из уличных канав, и все вместе направились к караульному помещению, где изъятые свёртки осмотрели. В них находились, помимо большого количества нательного и постельного белья, шесть длинных сюртуков, два пальто, шейные платки, часы с золотой цепочкой, две бриллиантовые пуговицы, каминные часы и прочее — всё это принадлежало одному рантье, который каждое воскресенье покидал своё жилище, чтобы провести день за городом.

Девушка Анжелика, в сумке которой находилось двадцать поддельных ключей, была приговорена к пяти годам каторжных работ, С*** и Г*** — к семи годам того же наказания, а Л***, как рецидивист, — к двадцати годам.

С***, как он и говорил, должно быть, запомнил первоапрельскую рыбку.

XIV

УБИЙСТВО ВДОВЫ СЕНЕПАР

6 декабря 1843 года господин Виржиль Сенепар, отец которого был поставщиком императорских армий, директором театра «Амбигю» и после революции 1830 года полковником 6-го легиона Национальной гвардии, со слезами на глазах пришёл сообщить начальнику сыскной полиции, что его мать, вдова Сенепар, проживавшая на бульваре Тампль, в доме № 24, была задушена в своей квартире, расположенной на втором этаже, и что по голове жертвы было нанесено множество ударов тупым предметом. Убийство не могло быть следствием мести, поскольку из секретера, взломанного с этой целью, была похищена сумма в тысячу или тысячу двести франков золотыми и серебряными монетами.

Господин Сенепар указал, что подозревает молодого уроженца Тулузы по имени Пажес или Маньес, и сообщил его приметы. Этот молодой человек за несколько дней до того прибыл из Тулузы в Париж; за два дня до преступления он явился к вдове Сенепар, чтобы передать ей известия о её племянницах, а затем отправился к господину Виржилю и вручил ему письмо от его дяди по отцовской линии, господина Сенепара, отставного майора артиллерии, проживавшего в Тулузе.

Фамилии Пажес и Маньес тотчас велели разыскать по меблированным гостиницам, и в тот же вечер, в восемь часов, был арестован некий Пажес, проживавший на улице Эстрапад, в доме № 1. Но поскольку сын убитой не признал в нём человека, которого он описал, задержанного освободили.

Начальник сыскной полиции в сопровождении агентов отправился в квартиру жертвы, чтобы попытаться получить какие-либо указания, способные вывести его на след виновного. Не собрав никаких сведений, он поехал в конторы дилижансов проверить списки прибывших пассажиров; поскольку ни в одном из них не оказалось фамилий, названных сыном Сенепар, господин Аллар составил рапорт о безуспешности своих действий, а на следующий день мне поручили одному предпринять новые розыски. С этой целью я отправился на место преступления, чтобы осмотреть его и расспросить привратника дома. Приметы человека, которого тот считал убийцей, в точности совпадали с описанием, данным сыном жертвы, и, в довершение подробностей, привратник добавил, что на нём был сюртук с подкладкой из шёлка в так называемую шотландскую клетку. Я поднялся в квартиру госпожи Сенепар, где всё ещё находилось её тело; следственный судья ожидал прибытия врача, чтобы произвести вскрытие; мне, следовательно, в этих обстоятельствах нечего было там делать, и я удалился. Я привёл с собой человека, не имевшего отношения к полиции, одного из моих добрых друзей, который ожидал меня у дверей.

— Мне нужно, — сказал я ему, подойдя, — повидать господина Сенепара, которого я давно знаю; возможно, мне удастся получить от него какие-нибудь сведения, с которых я смогу начать.

Я застал этого несчастного человека в состоянии скорби, которое трудно описать.

— Ах, господин Канлер! — воскликнул он. — Вы ведь меня знаете, придите же мне на помощь! Можете ли вы поверить, что моё и без того ужасное несчастье усугубляют намёками на то, будто я мог приказать убить собственную мать, чтобы избавиться от ежегодной пенсии в тысячу пятьсот франков, которую я ей выплачивал! Ведь это чудовищно, не правда ли? Моя бедная мать, которую я так любил! Ах, прошу вас, умоляю вас, господин Канлер, сделайте всё возможное, чтобы найти молодого человека, о котором я вам рассказал, ибо совершенно несомненно, что именно он совершил преступление, в котором меня смеют подозревать.

— Успокойтесь, сударь, — сказал я ему; — у меня уже была серьёзная причина разыскивать преступника — чудовищность его злодеяния; теперь же ещё одно соображение заставит меня не упустить ни единой возможности предать его в руки правосудия.

Затем я покинул его, вновь заверив, что приложу все усилия и что если виновного не арестуют, то не из-за недостатка усердия с моей стороны.

Я вернулся к своему другу, которому рассказал об этой сцене. Отчаяние бедного человека разрывало мне сердце, и, разумеется, я вполне разделял негодование, вызванное в нём ужасным обвинением, которому он подвергся.

— Мне хочется, — сказал я другу, — отправиться в конторы дилижансов и просмотреть списки прибывших.

— Зачем, раз их уже несколько раз проверяли?

— Я не думаю, что это будет потерей времени, — ответил я ему, — и вот почему: в рапорте, который начальник службы направил префекту, сказано, что просмотр списков пассажиров дилижансов не дал результатов при поиске фамилий Пажес или Маньес. Все решили, что на этом подобные поиски можно закончить; но я так не считаю, ибо в данном случае следовало сделать ещё кое-что, ведь молодой тулузец, приехав в Париж, прежде никогда не видел госпожу Сенепар. Из этого я заключаю, что поначалу у него не могло быть замысла совершить преступление, которое он впоследствии совершил. Кроме того, столь долгий путь не обходится без того, чтобы между путешественниками не завязались более или менее непринуждённые разговоры: следовательно, надлежало просмотреть списки не только за день, названный господином Сенепаром, но и за предыдущий и следующий дни, на случай ошибки в дате, затем выписать имена и звания всех людей, отправившихся из Тулузы в Париж, чтобы разыскать их, расспрашивая кучеров и носильщиков, которым поручали переносить багаж. Найдя этих пассажиров, следовало собрать у них сведения о преступнике по его приметам и выяснить таким образом, не было ли в разговорах обронено чего-либо, что могло бы раскрыть цель его поездки в Париж.

Мы направились в контору Королевских дилижансов на улице Монмартр. В списках кучеров не значилось ни одного пассажира, прибывшего из Тулузы. Я отправился в контору дилижансов Лаффитта и Кайяра, где ни в одном списке также не было фамилий Пажес или Маньес; однако там я заметил фамилию Грав, рядом с которой стояло звание полковника артиллерии и указывалось, что он прибыл из Тулузы. Я тотчас ухватился за эту фамилию, и вот почему: свойственник жертвы, господин Сенепар, как я уже говорил, служил в артиллерии и проживал в Тулузе. Я подумал, что господин Грав мог быть знаком с этим бывшим офицером и, возможно, сумеет сообщить мне какие-либо сведения об убийце. Я принялся разыскивать полковника и с большим трудом нашёл его на улице Пти-Шан, в доме № 97.

— Полковник, — сказал я, объяснив, кто я такой, — знакомы ли вы с семейством Сенепар из Тулузы?

— Да, сударь, имею эту честь.

— Вероятно, вы уже знаете о трагическом событии, повергшем эту семью в траур?

— Я только что узнал из *«Газеты судебных разбирательств»* о несчастье, обрушившемся на неё, — и, говоря это, полковник указал мне на раскрытую перед ним газету.

— Тогда позвольте мне, полковник, задать вам несколько вопросов.

— Спрашивайте, сударь, я вполне готов на них ответить.

Изложив обстоятельства, последовавшие за обнаружением преступления, показания и подозрения сына убитой и, наконец, приметы подозреваемого лица, я спросил его, не припомнит ли он среди молодых людей, принимаемых в тулузском семействе Сенепар, человека, сколько-нибудь похожего на того, которого я только что ему описал.

— Я очень смутно припоминаю, — ответил он, — что видел одного молодого человека, к которому могли бы подходить названные вами приметы; но это лишь смутные, неуверенные воспоминания, и я ничего не мог бы утверждать на этот счёт.

Я поблагодарил его за любезность и удалился; однако едва я спустился к подножию лестницы, как меня осенила мысль; я тотчас поднялся обратно, чтобы спросить, не знает ли он кого-либо из живущих в Париже, кто поддерживал бы отношения с семейством, столь жестоко поражённым несчастьем.

— Да, — сказал он мне, — некая госпожа Жибу, проживающая на улице Орлеан.

— На какой именно? В столице есть три улицы с таким названием.

— Ах, этого я не знаю, как не знаю и номера дома.

И вот я отправился на улицу Орлеан-Сент-Оноре, заходя из дома в дом и спрашивая:

— Госпожа Жибу?

— Чем она занимается?

— Не знаю.

— Здесь такой нет...

И мне ещё везло, если привратники, знавшие знаменитый водевиль «Мадам Жибу и мадам Поше», не сердились уже при первом моём вопросе!

Раздосадованный, но не обескураженный, я покинул торговый квартал и направился к более тихим жилищам Маре, и там, на пятом этаже дома № 25, наконец нашёл особу, которую разыскивал.

Здесь последовали новое представление, новые подробности, уже сообщённые господину Граву; затем я спросил вдову Жибу, не приходил ли к ней человек, приметы которого я ей назвал, чтобы передать известия о семействе Сенепар из Тулузы.

— Как же, сударь; в среду, 4-го числа, сюда приходил молодой человек, вполне соответствующий вашему описанию, и принёс мне письма от девиц Сенепар; кроме того, он просил разрешения вновь навестить меня, но я не знаю ни его имени, ни адреса.

— Так вот, сударыня, этот молодой человек — убийца госпожи Сенепар.

При этих словах добрая дама едва не лишилась чувств.

— Неужели это возможно!

— Да, сударыня, и смею надеяться, что смогу рассчитывать на вашу помощь в задержании этого негодяя.

— Говорите, сударь, и будьте уверены, что я сделаю всё, что будет в моих силах, чтобы помочь вам в этом деле.

— Это будет очень просто. Молодой человек попросил разрешения ещё раз посетить вас и вернётся, потому что хорошо знает, что жертва не могла ничего рассказать, и считает себя в полной безопасности. Когда он придёт, примите его так же, как в первый раз, то есть как друга семьи; пусть ничто не даст ему заподозрить, что вы видите в нём убийцу; затем спокойно и без всякой нарочитости просто откройте окно. По этому сигналу агенты, которых я поставлю днём и ночью перед вашим домом, поспешат подняться к вам и произведут арест.

Через день убийца явился к госпоже Жибу и был арестован. Его немедленно доставили в мой кабинет; это был молодой человек двадцати одного года, небольшого роста, худощавый, безбородый, с женственным лицом, которому длинные светлые волосы придавали ещё более женственный вид; он заявил, что его зовут Дюкрок и что он сын ножевщика из Тулузы. Я

отвёл его в кабинет следственного судьи, где его очно свели с господином Сенепаром, который, увидев его, воскликнул: «Вот убийца моей матери! Это он совершил преступление!» Затем, повернувшись ко мне, он со слезами бросился мне на шею и сказал: «Ах, господин Канлер, какую огромную услугу вы мне оказали! Теперь меня уже не смогут подозревать в том, что я приказал убить свою мать!»

Дюкрок признался, что совершил это преступление лишь для того, чтобы купить себе нарядную одежду и развлекаться с женщинами на публичных балах. Приговорённый к смерти, он выказал глубокое раскаяние и, побеждённый угрызениями совести, с покорностью взойшёл на эшафот.

XV

МОЁ НАЗНАЧЕНИЕ НА ДОЛЖНОСТЬ ОФИЦЕРА ПОЛИЦИИ И МОИ МЕТОДЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ РАБОТЫ

К концу 1842 года меня привлекли для содействия господину Элуэну, комиссару полиции по судебным поручениям, при аресте Видока, который, побывав вором, каторжником и полицейским, содержал нечто вроде конторы по ведению дел или, вернее, занимался контр-полицейской деятельностью. С 1833 года мне уже в третий раз поручали доставить его в арестантское отделение префектуры. Во время этой операции я высказал господину Элуэну желание получить назначение на должность офицера полиции.

— Почему? — спросил он меня. — Ведь вам хорошо служится в сыскной полиции?

— Это правда, но времена сменяют друг друга и не похожи одно на другое. С 1832 по 1839 год мои отношения с начальником службы неизменно были приятными; но с тех пор, как агент Б*** сумел убедить его, будто вся моя деятельность направлена лишь на то, чтобы сместить его и занять его место, у меня возникло немало неприятностей, которым я желал бы как можно скорее положить конец.

На этом разговор и закончился. Однако 1 января 1844 года господин Элуэн, назначенный начальником муниципальной полиции, вспомнил о моём желании; он поговорил об этом с генеральным секретарём, и оба пообещали мне, что при первой же вакансии я получу повышение. И действительно, когда офицер полиции, ведавший шестым округом и надзором за театрами на бульваре Тампль, вышел в отставку, 1 сентября 1844 года меня назначили на его место. На следующий день генеральный секретарь проводил меня в кабинет префекта, которому я принёс присягу. По этому случаю господин Делессер обратился ко мне с поистине отеческим наставлением относительно новых обязанностей, которые мне предстояло исполнять, а затем прибавил: «Господин генеральный секретарь и господин начальник муниципальной полиции неоднократно рассказывали мне о важных услугах, оказанных вами моему ведомству. Поэтому я полагаю, что вы не забудете о своей прежней службе в сыскной полиции и что заботы муниципальной полиции не помешают вам следить за преступниками в вашем округе и арестовывать их».

Как легко себе представить, я без колебаний принял на себя это обязательство.

Устроившись на новом месте, я серьёзно задумался над обещанием, которое дал префекту, и над трудностями, какие мне предстояло преодолеть.

В самом деле, что составляет душу полиции? Деньги! Ведь она должна содержать за свой счёт: 1° агентов — людей, знающих своё ремесло, ловких, деятельных, умных, помогающих начальнику осуществлять его замыслы и желания, выполняющих его распоряжения, следуя разработанному им плану действий, словом, воплощающих в жизнь задуманное им.

2° Осведомителей — презренных существ, которых страх отвратил от преступлений и которые за небольшое вознаграждение продают полиции тайны своих товарищей.

Наконец, какими средствами располагает начальник сыскной полиции для того, чтобы упрощать, облегчать и обеспечивать успех своих действий? Сосредоточением сведений, благодаря которому он каждый день узнаёт, какие преступления были совершены, какие ранее

судимые нарушили запрет на проживание, какие преступники поселились в гостиницах и меблированных домах, и получает тысячу других сведений не только полезных, но и необходимых.

Между тем в моём распоряжении не было ни одного су из 31 200 франков, выделявшихся тогда сыскной полиции ежегодно на оплату осведомителей и поощрение усердия агентов наградами. Я был один, без средств, без сведений, без единого опытного человека, который помогал бы мне выполнять задачу, поставленную перед собой. Следовательно, мне надо было искать помощников, достаточно бескорыстных, чтобы служить мне даром; но поскольку полное бескорыстие встречается крайне редко, я стал подыскивать среди тех, за кем обязан был надзирать, людей, способных принести мне пользу в качестве осведомителей и помощников. Я решил, что смогу найти такие орудия лишь среди хозяек или обитательниц домов терпимости, среди хозяев меблированных домов, именуемых воровскими, среди торговцев театральными контрамарками у дверей театров или, наконец, среди уличных торговцев, называемых камело, которым часто бывают известны весьма ценные сведения. Вместо того чтобы ограничиться одной какой-либо категорией людей, я поставил себе на службу их всех. Вот каким образом.

Публичных женщин очень часто арестовывают за мелочи, которые, однако, приходится пресекать, чтобы держать в железной узде этих опустившихся существ, склонных к распущенности. Итак, предварительно посоветовавшись с начальником муниципальной полиции, я отправился с визитами к хозяйкам домов терпимости своего округа; я обещал покровительствовать им в случае нарушения правил, но при условии, что, когда у них появятся вору или когда они узнают от своих девушек какие-нибудь подробности о преступниках, они немедленно сообщат мне об этом.

Закончив с этим, я обратился к хозяевам меблированных домов, называемых воровскими: все обещали добросовестно снабжать меня сведениями. Однако большинство этих людей, состоявших в тесных отношениях с преступниками, не сдержали обещания. У меня было лишь одно средство принудить их к этому, и я прибегнул к нему. В любой час ночи я приходил вместе с комиссаром полиции производить обыски в их меблированных домах и уводил всех жильцов, чьи документы не были безупречно исправны или у кого их вовсе не было. Иногда также, являясь с моими городскими в эти дома около трёх или четырёх часов утра, я осматривал все комнаты, заставляя всех жильцов вставать и одеваться под предлогом розыска преступника, которого там не было. Вскоре господа хозяева заметили, что их постояльцы, утомлённые этими непрерывными беспокойствами, понемногу исчезают и что в дальнейшем им останется предъявлять моим проверкам только пустые комнаты. Мой надзор, по-видимому, не собирался ослабевать, и они наконец поняли, что им выгоднее пойти со мной на соглашение, чем продолжать столь неравную борьбу; они поневоле сделали то, на что хозяйки домов терпимости согласились добровольно, и с этой стороны всё тоже устроилось наилучшим образом.

Затем следовало заручиться содействием торговцев контрамарками. Их было не особенно трудно подчинить: неослабное наблюдение у театров приводило к задержанию нарушителей, которых оставляли в полицейском посту, чтобы на следующий день в десять часов утра доставить к комиссару полиции. Там составляли протокол о нарушении, за которое почти всегда следовало тюремное заключение. Вот какими средствами я подчинил их себе и заставил действовать по моей воле.

В-четвёртых, я привлёк себе в помощники уличных торговцев, называемых камело, которые без разрешения сновали туда и сюда, разнося товары, продававшиеся ими дёшево, а купленные ещё дешевле и происходившие из остатков магазинных запасов либо с торгов, проводившихся по распоряжению суда. По отношению к ним я применил ту же систему, которая так хорошо удалась мне с хозяйками домов, и, позволяя им стоять на углах проходов и в некоторых местах улиц и бульваров, получал от них ценные сведения, добывать которые им позволяла их бродячая жизнь.

Заложив эти основы, я обзавёлся новыми помощниками, полностью прикрепив к своей службе осведомителей, которых выбрал среди бывших каторжников, лиц, отбывших заключение, и других освобождённых, которым было запрещено проживать в столице и которых я арестовал за нарушение этого запрета. Среди них я заметил нескольких человек редкого ума; для них я испросил и получил временное разрешение жить в Париже.

Один из этих людей, по имени Шарль Р***, уже дважды судимый и нарушивший запрет на проживание, обладал необыкновенным умом; его память и наблюдательность были столь удивительны, что он с первого взгляда и без малейшего колебания узнавал человека, с которым сидел в тюрьме и с которым не виделся уже много лет; стоило кому-нибудь попытаться скрыться под вымышленным именем, как Шарль тотчас говорил ему: «Это не ваша фамилия, вас зовут так-то, в такое-то время вы находились в такой-то камере такой-то тюрьмы».

При таких качествах Р*** не мог не оказать мне важных услуг. К несчастью, мне пришлось обеспечивать его существование, равно как и существование других моих осведомителей, чтобы они не вернулись к своим прежним порочным привычкам, и, не имея, как я уже говорил, в распоряжении никаких денег, я придумал следующее: каждый день я велел выдавать этим людям несколько входных карточек из множества тех, которые тогда передавали посыльным, стоявшим перед театрами. Эти карточки, перепродаваемые с прибылью в пятьдесят сантимов людям, желавшим попасть внутрь без очереди, приносили каждому из моих людей около трёх или четырёх франков в день; такая торговля обеспечивала им скромное существование и позволяла посвящать мне всё своё время.

Приняв эти предварительные меры, я выбрал среди шестнадцати городских, находившихся под моим началом, господ Салье и Туазуля, которым вполне доверял; мне никогда не приходилось встречать двух людей, более преданных своему делу. Так мне удалось собрать ловких, умелых, неутомимых помощников, оказавших мне величайшие услуги и в высшей степени содействовавших успеху моих операций. Благодаря их содействию я получил наконец возможность беспощадно преследовать преступников своего округа, и вот каким было моё первое дело.

За несколько дней до моего вступления в должность молодой писец судебного пристава из провинции, недавно приехавший в Париж, около полуночи подвергся нападению на улице О-Мулен со стороны четырёх человек, которые заткнули ему рот и отняли часы, кошелёк, шляпу и каталонский нож. Уже три недели сыскная полиция вела безуспешные поиски, и дело, вероятно, так бы и осталось без последствий, если бы театральный контролёр, проживавший в одном доме с этим писцом, не догадался прислать его ко мне со словами: «Ступайте к офицеру полиции, расскажите ему, что с вами случилось, и если он не найдёт ваших воров, их не найдёт никто». Молодой провинциал действительно пришёл ко мне и рассказал все подробности этого ночного нападения; он кое-как описал приметы четырёх напавших на него людей и прибавил: «Больше всего меня огорчает то, что в префектуре мне сказали, будто не верят этой истории; а между тем, сударь, клянусь вам, что это чистая правда».

Убедившись, что молодой человек говорит правду, я отпустил его, пообещав начать деятельные розыски и уведомить его, если удастся схватить его грабителей. «Чёрт возьми! — не смог я удержаться от восклицания, когда он ушёл, — вот трудное дело; сыскная полиция отказалась продолжать его; право же, каким удачным началом было бы, если бы мне удалось добиться успеха!»

На следующий день я отправился на поиски с двумя моими агентами, Салье и Туазулем, и одним из моих осведомителей, который во время революции 1848 года вступил в мобильную гвардию и был убит повстанцами на баррикаде на улице Сен-Мор и в предместье Тампль. После трёх дней непрерывных хлопот мы наконец схватили всех четырёх воров, причём у одного из них нашли каталонский нож и залоговую квитанцию на часы, сданные в ломбард. Префект, узнав о достигнутом мною результате, велел передать мне своё удовлетворение.

Вскоре за этим делом последовало другое дело о краже, тоже немаловажное, хотя и совершенно иного рода. Один из наших помощников из числа камело пришёл предупредить меня, что узнал о трёх молодых людях, приметы которых он сообщил, совершивших накануне кражу у человека, которого они предварительно усыпили при помощи наркотического средства, а затем отнесли к нему домой, словно мёртвого.

Было восемь часов утра, когда я получил это сообщение. В ту же минуту я отправил Туазуля, Салье и осведомителя Р*** с приказом обойти все кабачки и загородные трактиры предместья Тампл и Бельвиля, которые довольно часто посещают воры; к одиннадцати часам все трое воров были арестованы. Я допросил самого младшего, безбородого юношу семнадцати лет, который при первых же обращённых к нему словах заплакал; я воспользовался этим мгновением, чтобы заговорить с ним о его отце и матери, указал ему на тяжёлое положение, в каком он оказался, и на горе, которое испытывают его родители; я дал ему понять, что полной откровенностью он, быть может, сумеет выйти из затруднительного положения, в которое попал, а затем в заключение прибавил: «Будешь ты говорить или молчать, дело всё равно пойдёт своим чередом, ибо через час я узнаю, в каком доме была совершена кража, и вас поставят лицом к лицу с вашей жертвой; но тогда уже не рассчитывай на моё снисхождение, я буду к тебе беспощаден!» При этих словах он бросился передо мной на колени, сквозь рыдания клянясь, что во всём признается, и сказал мне:

«Вчера в одиннадцать часов вечера мы с двумя моими товарищами были на площади Шатле, когда увидели приближавшегося к нам человека, настолько пьяного, что он едва держался на ногах. Гляди-ка! — сказал старший из нас троих (ему было двадцать четыре года), — вот простофиля, которого можно обобрать! Идите за мной! Он подошёл к пьянчуге, завёл с ним разговор и без труда увёл его в винную лавку, где вскоре мы уже сидели за столом вокруг литровой бутылки вина. Тогда мой товарищ, тот, что заговорил с ним, положил себе в рот табак, принялся его жевать и, пока мы беседовали с нашим случайным знакомым, крепко отжал свою жвачку в стакан этого человека. В полночь мы ушли. Бедняга уже совсем не мог стоять на ногах, и мы отнесли его к нему домой, на улицу Сен-Дени, где нет привратника. Раздев нашего пьяницу и уложив его в постель, точно ребёнка, мы ушли, захватив его ключ.

В час ночи мы вернулись, наш человек крепко спал; мы связали в узел его одежду, забрали его деньги и ушли. Вот, сударь, вся правда! Я прекрасно знаю, что совершил большой проступок; но, видите ли, я не вор и был вынужден поступить так же, как двое моих товарищей, потому что иначе они меня избили бы».

После этого признания я отправился в сопровождении агентов Туазуля и Салье на улицу Сен-Дени, к указанному дому. Там мы нашли ограбленного, который ничего и не подозревал и всё ещё лежал в постели. Крайне удивлённый тем, что мы ему рассказали, он вскочил с кровати, перевернул матрасы вверх дном, затем, схватив лежавший там бумажник, испустил неопишимый радостный крик и сказал нам: «Ах, господа, как же я счастлив, что отделался так дешево! Если бы моим ворам пришло в голову поискать между двумя матрасами, я был бы разорён, потому что в этом бумажнике лежат 80 000 франков банковскими билетами, которые я получил позавчера, но сегодня же я спрячу их в надёжное место». Этот человек подтвердил нам, насколько позволяла ему память, часть подробностей, сообщённых начинающим воров, и поспешил сопровождать нас к комиссару полиции, который составил протокол и отправил в префектуру троих молодых негодяев.

Примерно в то же время неожиданная для меня просьба заставила меня заняться ещё одной кражей. У господина Аллара был брат, служивший городовым, жена которого торговала бульоном в ларьке у Энтрепо; двое воров проникли в эту лавчонку и похитили холщовый мешок, содержащий 1200 франков монетами по пять франков. Начальник сыскной полиции был тотчас извещён об этом своим братом, воры были известны, оставалось только схватить

их; но Аллар, так и не сумев добиться их ареста, решил попросить меня задержать этих двух людей, если мне удастся их обнаружить.

Я приступил к поискам вместе с моим бригадиром, агентами Туазулем и Салье, а также несколькими помощниками; я обошёл все заведения дурной славы в моём округе, и не напрасно, потому что на следующий день, в половине одиннадцатого вечера, арестовал обоих преступников в кабачке виноторговца, торговавшего также крепкими напитками, на улице Фоссе-дю-Тампль, в своего рода притоне, где часто собирались все негодяи с бульвара. В момент ареста один из двух воров, ветеран преступного ремесла, бросился на меня, чтобы ударить каталонским ножом, который держал в руке; я, несомненно, не избежал бы удара, если бы не находчивость и хладнокровие моего бригадира Лабрю, который резко оттолкнул негодяя и, схватив направленную против меня руку, дал мне время обезоружить этого бесноватого. При обыске в жилище обоих обвиняемых был найден холщовый мешок, первоначально содержавший 1200 франков, но пятифранковых монет в нём не оказалось ни одной; они исчезли.

Едва это дело было окончено, как я встретил на бульваре агента сыскной полиции, который между прочим сказал мне, что уже три недели бригада надзора за улицами разыскивает некоего Шнейдера и двух его товарищей, профессиональных воров, обвиняемых в кражах с отягчающими обстоятельствами, против которых выданы ордера на арест. «Право, думаю, — добавил агент, — что их никогда не найдут, потому что они знают, что их ищут, и слишком хитры, чтобы дать себя поймать».

«Это нам покажет будущее!» — подумал я.

Вернувшись в свой кабинет, я сообщил Туазулю, Салье и нескольким своим хорошим помощникам всё, что рассказал мне агент сыскной полиции.

Не прошло и двух или трёх дней, как один из моих помощников, принадлежавший к числу камело, сообщил мне, что разыскиваемые люди скрываются в комнате на пятом этаже дома по улице Лурсин и что, никогда не выходя днём, они пользуются ночью, чтобы предаваться своим развлечениям. На следующий день в четыре часа утра Шнейдер был арестован вместе с двумя сообщниками, а сыскная полиция по распоряжению передала мне ордера на арест, имевшиеся у неё на руках, но которыми она так и не сумела воспользоваться.

Я не стану рассказывать здесь о различных операциях, произведённых мною за пять лет исполнения обязанностей офицера полиции VI округа; ограничусь лишь тем, что скажу: я передал в руки правосудия преступников всевозможных разрядов — карманников, мошенников, промышлявших «американским способом», воров, действовавших под видом утреннего визита, взломщиков, воров, промышлявших отвлечением внимания, отмычников (пользовавшихся фальшивыми ключами), грабителей пьяных, фальшивомонетчиков, участников ночных нападений и так далее. Поэтому господин Элуэн весьма часто поздравлял меня и с удовольствием повторял, что я был первым офицером полиции, занявшимся сыскной работой. Мне суждено было остаться единственным, потому что мои преемники ограничивались своими муниципальными обязанностями.

Я считаю нужным закончить эту главу одним довольно любопытным делом ввиду его трагического исхода. Это было в декабре 1844 года. Нередко поступали жалобы на кражи, совершавшиеся в театрах, главным образом в ложах авансены. Во время представлений двух воскресных дней подряд из театров «Фоли-Драматик» и «Делассман-Комик» было похищено по одному пальто. Я попросил капельдинерш сообщить мне приметы человека, которого они подозревали в этих кражах; предполагая, что в следующее воскресенье ловкий плут продолжит начатую им серию, я выставил по агенту для наблюдения у контроля каждого театра, за исключением театра «Гете», который оставил за собой. Каждому агенту были сообщены приметы подозреваемого, а также приказ следовать за ним, если он появится, и арестовывать лишь с доказательствами на руках.

Следуя этому плану, я встал за невысокой деревянной перегородкой, отделявшей контроль, и оттуда мог видеть всех, оставаясь незамеченным; в этот вечер давали «Семь замков дьявола». Первый акт прошёл, а мой человек так и не появился; я подумал, что, возможно, он отправился в другой театр; но в ту минуту, когда звонок вызывал актёров ко второму акту, я увидел, как вошёл человек, которого сразу узнал: это был уже судимый Жозеф Мартен, бывший преподаватель математики; он предъявил контролёру билет в ложу первого яруса у авансцены и направился направо. Я тотчас велел своему секретарю оставаться в коридоре и наблюдать, а сам устроился в своей ложе, откуда, не меняя места, мог краем глаза следить за каждым движением этого человека. Под конец второго акта я увидел, как он поднял руку, опустил её и сунул в карман своего пальто, после чего вышел из ложи; я тотчас покинул свою, чтобы броситься к нему и схватить за руки, не дав избавиться от похищенной вещи. Я отвёл его в полицейское бюро, где его обыскали: в кармане его пальто нашли вуалетку дамы, сидевшей перед ним. В моём бумажнике хранились адреса двух лиц, ограбленных в предыдущие воскресенья; я велел привести их, и, когда они прибыли, один узнал на плечах вора собственное пальто, а другой нашёл среди вещей в его карманах портсигар, который восемь дней назад находился в кармане украденной у него одежды. Перед лицом столь неопровержимых доказательств мой вор не стал отпираться, безразлично во всём признался и вследствие этого ареста был приговорён к пятнадцати месяцам тюрьмы и полицейскому надзору.

Этот вор был человеком с хорошими манерами, он получил превосходное образование, выражался легко и даже изящно. Несколько лет спустя его притязания стали куда более высокими, и вот при каких обстоятельствах:

Наступила Февральская революция 1848 года. Под чужим именем и благодаря своему хвастовству наш вор сумел добиться принятия в число подкомиссаров, временно заменивших субпрефектов; его направили в богатый и многолюдный город; но вскоре после вступления в должность он встретил на новом месте жительства одного из прежних тюремных товарищей по имени Фуке, который, подобно ему, находился под надзором высшей полиции и, опять-таки подобно ему, нарушил запрет на проживание. Этот ранее судимый человек без малейших колебаний рассказал новому чиновнику о стеснённых обстоятельствах, в которых находился, и представитель власти незаметно сунул ему в руку немного денег, настоятельно потребовав самого строгого молчания и пообещав впредь помогать ему средствами. Некоторое время всё шло хорошо: бывший тюремный товарищ господина подкомиссара был чрезвычайно доволен тем, что получил постоянный доход, и пользовался им умеренно; но вскоре денежные требования стали более частыми и возросли. Государственный чиновник начал возражать, голоса повысились, и наш бывший вор поспешил заплатить, чтобы добиться молчания. Требования продолжали расти; на отказы отвечали такими угрозами, что Мартен решился дать всё, чего от него требовали. Однако поскольку беспрестанно жить с этим дамокловым мечом над головой стало невыносимо, наш магистрат под предлогом прогулки по окрестностям города предложил своему нахлебнику сопровождать его, и тот согласился. Они отправились в путь, и, проходя через небольшую рощу, Мартен убил Фуке, дважды выстрелив в него из пистолета в упор, а поскольку жертва ещё дышала, добил её, нанеся сорок один удар кинжалом.

Через месяц после этого преступления убийца был разоблачён и приговорён к пожизненным каторжным работам.

XVI

АНТИФИЗИТИКИ И ШАНТАЖИСТЫ

Подобно тому как при виде некоторых животных, некоторых предметов наши чувства испытывают невольное и неопределимое отвращение и брезгливость, так и при соприкосновении с некоторыми людьми, при мысли о некоторых поступках наша душа замыкается в себе, с трудом скрывая, а иногда и открыто выражая осуждение, которое внушают ей эти поступки или эти люди.

Но если порок ранит благородное сердце, если человек чести с негодованием отвергает всё отвратительное, то каким отвращением должен он исполниться, увидев, что самый постыдный порок способен породить ремесло ещё более предосудительное? Можно ли было бы предположить, что негодяи так часто и безнаказанно способны возбуждать и постепенно укоренять в подростках позорную страсть, низводя их до уровня бессловесного животного, чтобы сделать из них орудие краж за счёт других несчастных, поражённых теми же страстями?

Надругательства, жертвами которых могут стать мальчики от восьми до двенадцати лет, происходят сначала вследствие преступных обещаний, затем вследствие той тесноты, которая царит в бедных жилищах больших городов, полного пренебрежения нравственным воспитанием, дурных примеров и развращающих разговоров в мастерских.

Противоестественный порок приобрёл втайне почти невероятное распространение, и те, кто пользуется этой отвратительной нечистотой, создали настоящую организацию, предназначенную молодых людей служить приманкой и, следовательно, пособниками в промысле, известном под названием шантажа. Мошенники, рассчитывая на страсть людей более или менее состоятельных, заманивают их в ловушки, где вместо возможности удовлетворить свои тайные вожеления те подвергаются вымогательству и дорого расплачиваются за своё ослепление.

Этот вид кражи, совершенно особенный и совершаемый при обстоятельствах, совсем не похожих на те, что обычно предшествуют преступлению, имеет собственные приёмы, которые полезно изучить. Но прежде чем проследить действия этих воров во всех подробностях их преступного промысла, я расскажу о тех, кто служит им орудием и приманкой.

Антифизитики, которых обычно называют «тётками», разделяются на четыре категории, совершенно отличающиеся одна от другой привычками, костюмом и характером.

Вот они:

- 1° «Персийёз»;
- 2° «Стыдливые»;
- 3° «Труженицы»;
- 4° «Риветты».

Первая категория целиком состоит из молодых людей, по большей части принадлежащих к рабочему сословию и доведённых до этой степени унижения стремлением к роскоши, удовольствиям, чревоугодию или праздностью, этой первопричиной развращения большинства. Обладая апатичным темпераментом, они избегали труда в мастерской и стали искать в распутстве средства к существованию, часто ненадёжному и всегда жалкому. Получив название «персийёз» по аналогии с женщинами, которые на улицах побуждают прохожих к распутству, эти молодые люди совершенно отличаются от прочих мужчин лицом, речью, одеждой, манерами и осанкой. Их легко узнать по следующему облику: борода начисто и очень тщательно выбрита, волосы носят длинными, напомаженными, почти всегда завитыми на концах; взгляд мягкий, томный; протяжный, слабый, женственный голос ещё усиливает обманчивое впечатление. Одежда, хотя и не принадлежащая, собственно говоря, к какому-либо особому виду, по своему сочетанию представляет необычный облик. «Персийёз» всегда носит галстук (я хотел сказать — завязывает галстук) на манер Колена; головным убором ему служит фуражка, лакированный кожаный козырёк которой спускается на глаза и служит своего рода вуалю; он носит короткий сюртук или застёгнутую куртку, подчёркивающую талию, уже стянутую корсетом; панталоны, эти «невыразимые» англичан, не имеют хлястика и плотно облегают бёдра; наконец, туалет дополняют лакированные туфли или лёгкие башмаки. Выделяясь лицом и костюмом, «персийёз» узнаются также по тому, как они — или он — стараются своей осанкой как можно точнее подражать женской походке, причём эти люди перенимают также все женские вкусы и капризы. Они — или он — обыкновенно посещают по вечерам пассажи Панорамы и Оперы, Орлеанскую галерею Пале-Рояля, где прогуливаются попарно. Когда их присутствие в

этих местах вызывает слишком большой скандал, когда жители жалуются и полиция наконец вынуждена принимать меры против этих лиц, оскорбляющих общественную нравственность, дюжина агентов устраивает облаву и доставляет в полицейский пост дворца с десятков таких людей, которых, передав в распоряжение полицейского комиссара, следующим утром отправляют в префектуру. Там их в административном порядке держат под арестом несколько дней, затем освобождают, и через месяц или два приходится снова начинать преследование. Таким образом, этого средства недостаточно, чтобы предупредить или пресечь постоянный скандал, но едва ли возможно поступать иначе с людьми, которые по одному этому обстоятельству не подлежат уголовному наказанию. Если нет поимки на месте преступления и если не считать применения простых полицейских постановлений, зачастую затруднительного, что можно сделать? Быть может, здесь имеется пробел, который следовало бы восполнить в нашем Кодексе, или, быть может, законодатель отступил перед щекотливостью подобной задачи?

Второй разряд составляют «стыдливые». Их называют так потому, что составляющие его люди самым тщательным образом скрывают от всех глаз владеющий ими порок. Насколько «персийёз» стремятся обратить на себя внимание, настолько «стыдливые» избегают взглядов; первые — мужчины или женщины, как угодно — сделали из этого ремесло; для вторых это лишь дело вкуса. Первые желают удовлетворять свои грубые склонности, получая за это плату, которую не хотят добывать трудом; последние стремятся лишь успокоить собственные желания, погасить нечистый огонь, который их пожирает. «Стыдливые» со всей тщательностью отвергают и устраняют всё, что могло бы выдать их. Впрочем, поскольку они одеты как все, ничто не могло бы их обнаружить, кроме женственного голоса. Эта категория состоит из людей всех без исключения общественных классов.

Третий разряд целиком образован людьми из многочисленной рабочей семьи, живущими исключительно плодами своего труда. Отсюда произошло их название — «труженицы». Одетые в очень чистую блузу и суконную фуражку с опущенным козырьком, они безошибочно узнаются по своему томному и протяжному голосу, а также по походке, ничем не отличающейся от походки «персийёз». У них, как и у «стыдливых», это дело вкуса; только здесь отсутствует чувство стыда.

Четвёртую категорию составляют «риветты». В них нет ничего, что позволяло бы отличить их от других мужчин, и наблюдателю, чтобы их распознать, необходимы величайшая внимательность и большой опыт. Они встречаются на всех ступенях общественной лестницы. Для удовлетворения своей склонности эти люди предпочитают обращаться к молодёжи. Поэтому шантажисты особенно охотятся за «риветтами», которых им почти всегда удаётся успешно эксплуатировать. Однако некоторым из последних удалось избежать цепких рук шантажистов, взяв на содержание «персийёз», «труженицу» или «стыдливую». Назову, между прочим, одного богатого иностранца, семидесятилетнего старика, состоявшего в родстве с одним из знатнейших семейств Северной Европы, который приехал в Париж и поселился в роскошном особняке, чтобы жить вдали от требований большого света и пользоваться полной свободой поступков. Он привёз с собой юного новообращённого из разряда «стыдливых», восемнадцатилетнего юношу с шелковистыми усиками, вздёрнутым носом, женственным голосом и манерами, которого выдавал за племянника. Он не расставался с ним, словно со своей тенью, и, подобно Генриху III с его миньонами, проводил дни, запершись в апартаментах, где его юноша, переодетый женщиной, занимался рукоделием, вышиванием или изготовлением гобеленов. К обеду мнимый племянник снова надевал мужскую одежду, а по окончании трапезы оба неразлучных садились в экипаж, чтобы поехать в кафе выпить по маленькой чашке кофе и почитать газеты; затем в десять часов они вновь садились в карету и возвращались в особняк. Так проходил каждый их день. Поэтому шантажистам никогда не представлялось случая обложить данью этого знатного господина.

Четыре категории, которые я только что обрисовал, хотя и весьма схожи по существу, едва знакомы между собой. «Персийёз» и «труженицы» проявляют на людях необыкновенную опрятность, своего рода женственное кокетство, тогда как дома отличаются отвратительной грязью. Невозможно представить себе, с какой небрежностью относятся они к простейшим заботам о теле, которых требует самая обыкновенная чистоплотность. Тело, скрытое под одеждой, никогда не моют; кисти рук, кажущиеся белыми, нежными и ухоженными, составляют разительный контраст с предплечьями, более грязными, чем у трубочиста. Этих существ можно сравнить лишь с побелёнными гробницами, которые, будучи совершенно чисты снаружи, внутри содержат одну гниль. «Персийёз» любят брать имена знаменитых в истории куртизанок; одни зовутся Марион Делорм, Дюбарри, Нинон де Ланкло; другие присоединяют к мужскому имени женский эпитет и велят называть себя «красавица Адольф», «красавица Александр»; иные, наконец, приобрели среди прочих известность под именами Палиссандр, Пазуар, Негритянка, Мариньер и так далее. Все они или почти все живут кражами и мелким воровством. Что же до «стыдливых» и «тружениц», то при отсутствии нравственности они обладают известной честностью, от которой, за немногими исключениями, никогда не отступают.

В общем, подобно хамелеону, меняющему не форму, а цвет, «тётка» называется то «тапетт», то «серинетт»; моряки именуют её «корветом», но она неизменно остаётся предметом позора.

Если у большого числа людей эта противоестественная склонность является как бы врождённой, то у многих других она возникает лишь вследствие обстоятельств заключения и исчезает вместе с ними. На каторгах, в тюрьмах, в исправительных заведениях, во всех тех местах страдания, где виновный человек искупает всевозможными лишениями преступления, которые на нём лежат, поскольку он лишён всяких отношений с людьми другого пола, не следует слишком удивляться тому, что этот несчастный незаметно становится виновным в худшей нечистоте. Но когда он выходит из тюрьмы и вновь обретает свободу, редко случается, чтобы он тотчас не вернулся к прежней склонности к женскому полу и не отверг постыдных тюремных привычек.

Ласенер, которого любили изображать «тёткой», едва вышел из тюрьмы Пуасси, как поспешил завести любовницу. Во время долгих разговоров, которые мы вели вместе в Консьержери, я не раз касался этого предмета, и всякий раз он признавался мне, что этот вкус появился у него в тюрьме исключительно вследствие вынужденного воздержания, но с того дня, как он оказался на свободе, его естественные склонности вновь взяли над ним верх.

Теперь я возвращаюсь к шантажу, ибо, изучив орудия, полезно проследить различные стадии самого промысла. Шантажисты разделяются на два разряда. Первый, наиболее замечательный, включает самых выдающихся специалистов этого рода — «рюпенов»!

Они нападают, как я уже говорил, лишь на «риветт», которые кажутся им состоятельными или о состоятельности которых им известно; и именно играя на страхе перед скандалом, боязни бесчестия, стыде перед разглашением порока, эти негодяи находят способ эксплуатировать жертву и зачастую завладевать значительной частью её состояния.

Я знал в Париже около пятнадцати таких людей, которые несколько лет с величайшим успехом занимались своим промыслом и оставались недостижимыми для полиции. Причину этой кажущейся безнаказанности нетрудно понять: при подобных обстоятельствах чрезвычайно трудно, чтобы не сказать невозможно, найти жалобщиков, потому что всех удерживает стыд, который навлёк бы на них уже сам поданный ими иск. Не идут добровольно и с лёгким сердцем к правосудию, чтобы затем быть вынужденным сказать в открытом заседании исправительного суда перед многочисленной публикой: «Я негодяй; у меня постыдный порок, это правда; но вот другой человек, ещё более постыдный, чем я; он подло обманул меня, злоупотребил моим доверием, обобрал меня; вследствие этого я прихожу просить правосудие, законы

моей страны, добродетельных людей предоставить мне средства спокойно удовлетворять мои грубые инстинкты, мои тайные вожеления и защитить меня от этого негодяя, который нарушил сладостное спокойствие моего существования».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.